

ДЕМ МИХАЙЛОВ ИНФЕР9

18+

Мир Низшего

Дем Михайлов

Инфер 9

«Автор»

2023

Михайлов Д.

Инфер 9 / Д. Михайлов — «Автор», 2023 — (Мир Низшего)

Оди ушел. Просто ушел, внезапно покинув самую гущу жестокой схватки за выживание, оставляя за спиной не только недобитых врагов, но и соратников. Уйдя в темные воды умирающего мира Формоз, он обрезал все линии связи и погрузился в мрак небытия, чтобы вынырнуть из темноты на полном опаснейших тварей и залитым беспощадным солнцем диком побережье. Злому израненному гоблину с удаленными воспоминаниями, а быть может и с частично ампутированной душой придется пробиваться с боем. Но Оди никогда не боялся боя...

© Михайлов Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дем Михайлов

Инфериор 9

Исправленная версия

Пролог

Девушка билась в сбитом флаере.

Она была из того сорта людей, что борются за свою жизнь до последнего.

Супернадежная машина рухнула не где-нибудь, а на полузатопленной территории Калли. За считанные мгновения до почти неконтролируемого падения автопилот предпочел выбрать из трех вариантов место с наибольшим шансом на успешную посадку, с компьютерным похеризмом проигнорировав все криминальные и социальные аспекты окружающей местности.

Машина упала. С визгом ушел в небо третий маяк – первые два вечнолета отстрелились еще в воздухе. Четвертый отстрел ударил в землю под упавшей машиной. Он пробил неглубокую дыру, после чего присыпанный почвой четвертый маяк тоже заработал, указывая место падения и оставаясь скрытым для глаз – его, как вечнолеты, не сбить, тут нужны сканеры. Четвертым шагом была ушедшая вверх визуалка – красная аварийная ракета, что лопнула в вышине, выбросила старомодный парашют и невыносимо медленно начала снижаться. Четвертого шага не должно было быть – еще одна тупая ошибка компьютера, оценившего условно-зеленый статус окружающих территорий, как наличие миролюбивого населения.

И красной ракеты вполне хватило, чтобы не только привлечь внимание всех окрестных ублюдков, но и с точностью указать местоположение рухнувшего на их лишайные головы счастья, любезно подсветив при этом цветом готовой пролиться крови.

Да... даже этого дерьма вполне хватило бы для целой кучи проблем. Но машинный разум проверил запас энергии в бортовых батареях, счел его удовлетворительным и выпустил в небо первый веер лазерных лучей.

Все это время девушка сражалась с тупой техникой, стремясь предотвратить это дерьмо. Но она безнадежно опоздала – только чтобы убедить бортовой компьютер разблокировать ремни безопасности, ей потребовалось несколько минут. А дальше этого дело не пошло... Превратившаяся в гроб машина не желала разблокировать двери или потолочный люк, заодно перекрыв прозрачной перегородкой доступ к передней части салона. Причина – неимение официально подтвержденных навыков выживания в экстремальных ситуациях, равно как и неимение подтвержденных навыков обращения с оружием. Отметив нервозность пассажирки, бортовой компьютер любезно предложил сделать ей укол успокоительного. Достаточно положить руку на левый массивный подлокотник заднего кресла, что уже вернул себе привычную форму, прекратив играть роль дополнительного защитного обруча в районе живота пассажирки.

Девушка длинно и матерно отказалась, умело пояснив, куда машина может засунуть себе гребаное успокоительное. Флаер ответил, что это никак невозможно осуществить на практике и вообще сие действие не несет в себе никакой практической пользы. В ночное небо ударила и потухла еще одна пара лазерных лучей, на мгновение подкрасив черные тучи в красный и желтый. Девушка взвыла и принялась лягать прозрачную перегородку в безнадежной попытке пробить себе путь к передней части салона.

– Помощь уже в пути, – успокаивающе промурлыкал искусственный голос.

– Сука! Долбаная сука! – выдохнула в ответ пассажирка, нанося удары пятками в прозрачный материал своей тюрьмы – Открой! Сука! Дверь! Приказ!

Машина любезно откликнулась на ее слова. Мягкий успокаивающий женский голос никак не подходил под происходящую вокруг хрень, но при этом по шаблонам психо-дермо-правил являлся наиболее подходящим для успокаивания испуганной молодой особи женского пола, выглядящей достаточно самостоятельной и волевой.

– К сожалению, ваши требования невыполнимы... вы не обладаете доказанными умениями выживания. По имеющимся у меня сведениям, данные территории облюбованы для жизни не только людьми, но и достаточно опасными тварями. Также сама местность представляет собой пресеченную поверхность с частыми скалистыми образованиями и глубокими трещинами, что способны привести к перелому и...

– Открой дверь! Открой!

– Мисс Окси, я прошу вас успокоиться.

Девушка не услышала, продолжая наносить удары в прозрачный прочнейший материал обеими ногами:

– Вот! Поэтому! Я! И! Ненавижу! Долбаные! Машины! Вас! Всех! Надо! Уничтожить!

– Мисс Окси... уведомляю, что все происходящее записывается и при первой технической возможности будет передано в облачное хранилище данных. Я на вашей стороне и напоминаю про мировые инфо-фильтры, чья задача отслеживать любые радикальные высказывания. Новолуддизм относится именно к этой категории и...

– Заткнись!

– Но среди ваших эмоций я фиксирую не только злость, но и страх... поэтому я пометяю запись ваших выражений, как технофобию, вызванную стрессовой ситуацией. Возможно, небольшая лекция о вреде новолуддизма и глупости технофобии в наш просвещенный век послужит отличным успокаивающим для вас?

– ЗАТКНИСЬ!

– Понимая вашу нервозность, еще раз предлагаю сделать инъекцию успокоительного средства. Оно действует мягко, почти не притупляет ясность мыслей и... – мягкий голос резко оборвался.

Девушка замерла в скрюченном положении, не нанеся очередной удар – она поняла, что машина замолчала не просто так.

– Что случилось?

– Фиксирую движение слева... расстояние тридцать метров и быстро сокращается.

– Что там?

– Фиксирую четырех бегущих мужчин... они обнажены, они кричат... и они с топорами...

– Ну просто охренеть! Ты, сука, просто молодец!

– Благодарю за похвалу, мисс Окси. Ваш комплимент записан в мою базу данных.

– Да пошел ты! Ублюдок! Ты навел этих тварей на меня! Ты хоть понимаешь?! Ты навел этих гребаных насильников и убийц прямо на меня!

– Мисс Окси... я вынужден пометить запись ваших выражений как возможную клевету на четверых приближающихся ни в чем пока не повинных индивидуумов. Они пока никак не опорочили свои добрые имена и по умолчанию обладают не только не требуемой презумпцией невиновности, но и правом на доброе заочное суждение! Ведь...

Брошенный меткой и сильной рукой топор все же не смог пробить материал окна и со звоном отлетел, упав на едва заметно парящий в свете аварийных ламп песок.

– Сука! – крикнула девушка, с такой яростью рванувшись, что удерживающие ее ремни затрещали.

Ненадолго затихнув в ловушке как обреченная, но пока не сдавшаяся муха в паутине, она еще раз попыталась воззвать к холодному машинному разуму:

– Ты не видишь происходящего?! Не можешь оценить правильно степень угрозы?! Мне нельзя здесь оставаться! Надо бежать!

– Возможно, агрессию вызвало упавшее транспортное средство, а не вы, мисс Окси. Мы не знаем степень осведомленности местных жителей о современных транспортных средствах...

С неожиданностью мокрой бумаги, прихлопнутой ветром к окну, к стеклу приникла оскаленная бородатая рожа, вгляделась внутрь и, рассмотрев зажатую ремнями пассажирку, восторженно загоготала, орошая стекло бурой слюной. Подпрыгнув, владелец рожи залетел на прозрачную крышу машины и упал ничком, тут же принявшись долбиться пахом. Мелкие темные вздутия на его коже лопнули. На крышу потекла бело-черная слизь, а безумец продолжал колотиться о машину всем телом, показывая, что сделает с пассажиркой, как только сумеет вскрыть упавшую машину.

– Трахну! – приглушенно провыл бородатый и с силой врезал лбом по стеклу. – Я оттрахаю тебя! Оттрахаю!

Машины качнуло, когда в ее левый бок ударились еще три нагих мужских тела. Всколоченные волосы и косматые бороды, потемневшая от химикатов кожа, безумная ярость в гноящихся глазах и оскаленные черные зубы. И все это в красном свете аварийных вечнолетов и под аккомпанемент дружного злорадного воя. Сумасшедшие шакалы радовались падению на их территорию подарка...

– Конфетка! – выкрикнул крайний справа. – Сочная конфетка! Хочу! Хочу! Хочу!

– Я первый! – прорычал мужик сверху и ударил кулаком о крышу. – Я первый ее трахну! И первый ее вскрою!

– Я готов и с дохлой! – проскрипел самый старый и худой из дикарей, выглядящий так, словно он только что вылез из ямы, полной токсичной кислотной грязи.

Изъеденными грибок ногтями содрал со щеки целый пласт кожи, он запихнул его в рот и, чавкая, повторил:

– Я готов и с дохлой... Присуну ей жестко... глу-глу-глубоко...

– Тихо! – заорал верхний и, как только все заткнулись, прижался лбом к прозрачной крыше, взглянул на сжавшуюся под ним в кресле перепуганную девушку и ласково попросил: – Откройся, конфетка.

Она не ответила. Сжавшись в комок, с трудом ворочаясь под сдавливающими ее ремнями безопасности, она медленно крутила какую-то пластиковую шутовину под подлокотником, пытаясь вырвать ее из креплений. В глаза облепивших ее машину ублюдков она старалась не смотреть. Не потому, что это могло спровоцировать их на еще большую агрессию. Нет. Больше уже некуда. Как только она попадет им в руки... они исполнят все свои жуткие обещания. Просто она не хотела показывать, насколько сильно испугана. Животный ужас сдавил ей горло, подрубил колени и уронил тонну веса на грудную клетку. Каждый вдох приходилось силой загонять в легкие, от бушующего в крови адреналина трясло, и только это отгоняло от глаз темную пелену и не позволяло ей свалиться в глубокую бессознанку.

– Внимание! – автопилот наконец-то ожил, и в его искусственном голосе звучало дружеское осуждение. – Джентльмены. Представьтесь.

С дурашливой готовностью козырнув, бородатый нырнул вниз, через секунду снова показался в окне и с силой ударил в стекло топором. Оружие со звоном отскочило.

– Представьтесь, – повторила машина.

Ответом стали еще четыре удара. А следом удары обрушились на упавший флаер уже без счета. В каждый замах и удар дикари вкладывали все свои силы, раскачиваясь тощими голыми телами, скользя в грязи, порой падая и тут же подскакивая, чтобы с воем нанести еще один удар топором в стекло, что отделяло их от такой сладкой золотой конфетки.

– Ее кожа чиста! – простонал стоящий на крыше вожак. – Такая белая... такая чистая... Я срежу ее! И отнесу своей леди! Да!

– Она обрадуется, Джек! – проскулил самый тощий и старый. – Она пришьет белизну к себе! Так что срежь побольше, Джек! Срежь побольше! А я присуну и ободранной! Так даже лучше... глу-глу...

От услышанного у девушки добавилось сил, и пластиковая хреновина с треском поддалась. С трудом удерживая в онемевших от запредельных усилий пальцах, Окси вытащила ее из-под кресла и поднесла ближе к глазам. Судорога разочарования передернула красивое лицо. Она сжимала что-то вроде граненого пластикового карандаша с парой непонятных креплений и несколькими проводками, торчащими из одной стороны. Этим не защититься даже от крысы. Хотя... внимательно изучив отломанную сторону, пассажирка вдруг широко и полубезумно улыбнулась. Что ж... эта хреновина достаточно острая, чтобы прорвать кожу и артерию на шее. Подняв другую руку, девушка ощупала себе шею и тут же наткнулась на часто пульсирующую реку жизни, что скрывалась под ее мокрой от пота кожей. Если с силой воткнуть и хорошенько поелозить зазубренным обломанным концом, есть неплохие шансы порвать артерию и быстро истечь кровью. Милосердная смерть. Настоящий небесный дар, если сравнивать с медленной агонией во время группового изнасилования в кислотной грязи и обещанным затем прижизненным свеживанием и новым половым актом некрофилии...

Машина продолжала что-то бубнить, но ее уже никто не слушал. С треском одно из боковых стекол поддалось. По нему протянулось несколько длинных трещин. Радостно хрюкнув, один из грязнуль повторил удар, и трещины стали шире. Крепче сжав пластик в руке, девушка отвела руку, приподняла лицо, чтобы натянуть кожу на шее, с шумом выдохнула, собираясь с духом и глядя на снова занесшего топор ублюдка... Вот и пора умереть...

– А столько планов было, – с тихой усмешкой произнесла она, лежа в кресле.

– Ремни высвобождены, – прошелестела машина, и сдерживающие одинокую пассажирку путы ослабли.

– Да пошла ты! – выдохнула девушка.

Со звоном стекло разлетелось на куски, и четверка снаружи зашлась радостным воем. Мощной тошнотворной волной в салон ворвалась болотная и химикатная вонь.

Ликующий вой ублюдков длился несколько секунд, а затем превратился в ожесточенную свару, когда один из них первым сунулся в разбитое стекло, тяня руки к женскому телу.

– Она моя! – взревел вожак с крыши машины. – Убью!

– Не гневи Флукса, Боллгс! – прохрипел самый старый. – Ты не вожак! Он вожак. Его право! Его право! Его...

Девушка почти нанесла себе смертельный удар – потенциально смертельный, ведь надо еще попасть, – но остановилась, услышав хлесткий звук выстрела, а затем увидев, как бормочущий что-то косматый старпер крутнулся вокруг себя и рухнул, выпустив из башки кровавый фонтан.

Еще три выстрела. И еще три трупа. Последним умер вожак с крыши – упав на прозрачный материал, он судорожно дернулся пару раз и затих, глядя на не доставшуюся ему конфетку застывшим огорченным взглядом. Из перекошенного безвольного рта потекла кровавая слюна, смешавшись с разводами гноя и грязи.

С шумом выдохнув, окончательно переставшая что-то соображать из-за сваливающегося на нее шока, девушка замерла в кресле, изо всех сил сжимая свое единственное оружие. Она ждала... сама не зная, чего именно. Это мог быть как спаситель, так и просто получше вооруженный насильник и убийца. Какой-нибудь живодер, что сотворит с ней столь страшное, что она и представить себе не может...

Ждать пришлось недолго. Рядом с машиной скользнула быстрая тень и мгновенно исчезла. Затем она мелькнула уже с другой стороны, снова пропав из виду. И наконец в разбитом окне возникло уродливое раздутое рыло, взглянувшее на девушку налитыми кровью огромными глазами. Она сначала закричала – сдавленно и беспомощно – и только потом

поняла, что видит перед собой продвинутую защитную маску, прикрывающую лицо незнакомца. Именно незнакомца – даже не видя фигуры, Окси остро проявившимися инстинктами поняла, что смотрит на мужчину.

Оглядев салон, незнакомец щелкнул парой креплений под подбородком и поднял маску, открывая лицо. На пассажирку взглянули еще молодые умные и жесткие глаза хищника.

Сейчас он скажет ей что-то успокаивающее и теплое...

– И че ты тут делаешь, дура тупая? – поинтересовался незнакомец.

Глава первая

Грязь.

Черная грязь, что по запаху больше походила на высранную больным гиппо слизь, а затем в этой же луже он сдох и сгнил. А теперь я, еще ни хера не понимая, пытался выползти из этого гребаного дерьма, вытягивая себя на локтях из вонючего болота. Накатывавшие сзади волны, бившие в спину, накрывающие с головой и заставляющие выкашливать горькую соль, остались в прошлом. Больше нечему было смывать с меня налипшее дерьмо, и я просто полз почти вслепую.

Я по-прежнему ни хера не понимал. Но меня это не останавливало. Подо мной кто-то то и дело дергался, пытался ускользнуть или зарыться поглубже в грязь. Ну да... кому-то дерьмо, а кому-то естественная среда обитания.

Вскоре обессиленное тело шепнуло, что не сможет преодолеть больше ни метра. Я согласился с этим выводом и прополз еще метров двадцать по топкой грязи. Высокомерный мозг проскулил, что все лимиты исчерпаны и надо просто лечь, расслабиться и отдаться судьбе. Я согласился и с этим мозговым высером, а затем прополз еще метров десять, если я все еще был в состоянии правильно оценивать преодолеваемое расстояние.

Еще один уже совсем вялый рывок... и я окунулся с головой. Но окунулся не в черную грязь, а в мутноватую, но все же воду. Соленую теплую воду, в которой я наспех и через боль отмылся, выдергивая из порванной кожи колючки и куски кораллов. Голову и глаза я промыл в первую очередь, но толку ноль – мутная пелена не желала рассеиваться, и я видел максимум на полметра впереди себя. Продвинувшись дальше, я нашел местечко попрохладней и почище, где и замер на следующие полчаса, приказав себе не думать о терзающей меня жажде.

Сколько я уже не пил?

Эй, гоблин! Какого хера?! Я же сказал – не думай о воде! Она тебе не нужна.

Вскоре зрение вернулось ко мне в достаточной мере, чтобы я смог разглядеть что-то подальше собственного хера. Оставаясь неподвижным, пытаюсь восстановиться хотя бы частично, я, давя в зародыше любую поспешность, занялся всматриванием и внюхиванием в окружающее пространство.

Запах говна и падали. Это норма.

Запах вывернутых с мясом кишок. Это тоже норма.

Запах загнивших сладких фруктов. Сильно загнивших. Тоже норма.

Едва уловимый запах дыма и жареной плоти. А вот это повод нехило так насторожиться...

Охладившись и отдохнув, вновь почувствовав боль от каждой ссадины и раны, я неспешно покинул песчаную яму с мутной водой и двинулся по широкому светлому пляжу, выглядящему так, как и должен выглядеть нормальный, мать его, пляж: херова туча разбросанного повсюду древесного мусора, уйма непуганой живности, охерело смотрящие на меня плачущими глазами огромные черепахи, пара воняющих трупов животных и трахающая какой-то орех мартышка. Вот ради этого все и затевалось, верно?

– Эй, мохнатая, – прохрипел я замершей в испуге мартышке, – продолжай. Только не сильно. А то эволюционируешь нахрен...

Бросив недотраханый орех, мартышка взлетела по стволу пальмы и уже с верхушки дерева гнусаво заорала. Покосившись на истекающую влагой ореховую искусственную мартышкину самку, я поплелся дальше, укоризненно хрипя самому себе:

– Ты сдохнешь от гордыни, гоблин. Мог бы и попить...

Упал я шагов через пятнадцать, приземлившись на мягкий песок и тут же подтащив к себе пару крупных орехов. В руке сам собой оказался нож. Умело провинтив по паре дырок в

каждом из орехов, я завалился на спину и поднял первый из них над широко разинутым ртом. Пока в рот по капле вливалась животворная влага, пересохший мозг для чего-то размышлял о слишком большой хрупкости и тонкости покрова этих орехов. Наверняка это один из ранних гибридов, что должны были помочь справиться с глобальным голодом в начале эпохи Заката...

Мозг продолжал что-то там думать, но примитивная его часть предпочитала действовать. Я выпил каждый из найденных под пальмой орехов, а затем раздолбил парочку подобранным камнем и выжрал белую хрусткую мякоть. В голову и тело потекла... жизнь. По-другому это ощущение не назвать. И чем дальше от желудка и кишок расползалась волна жизни, тем больше ресурсов заново подрубалось в организме. Бодрости и сил особо не прибавилось, зато я глянул вверх, оценил количество висящих прямо над моей тупой башкой орехов и предпочел перебраться чуть в сторону и улечься под длинным толстым корнем. На мелких древесных скорпионов и огромных зеленых жуков я внимания обращать не стал. Вытянувшись, я позволил тренированному телу заняться частичным восстановлением, в то же время начав вспоминать, какого, собственно, хера я делаю на этом райском пляже в десятке шагов от дохлого дикаря с деревянным мечом в жопе. Меч не мой. И перекошенную рожу дикаря не узнаю. Но лучше покопаться в памяти...

Хотя че там копать?

Стоило задаться этим вопросом, и ожившая память тут же выплюнула в меня сплошной и ровный поток данных, который закончился скомканным и зажеванным обрывком рваных воспоминаний.

«Рваная» зона начиналась с момента, когда я в экзоскелете ушел под воду Формоза. Вода сомкнулась над уставшей башкой... и все воспоминания превратились в какие-то неподходящие друг к другу осколки. Помню, как я сначала шагал, а затем уже бежал по каменистому дну, обходя затонувшие поваленные небоскребы, мертвые или полумертвые жилые подводные купола – еще один выкидыш последних попыток гармоничного выживания на отторгающей нас планете. Потом темнота... А следом память вытягивает из себя дрожащую картинку того, как я отстреливаюсь от преследующей меня тройки ублюдков в тяжелых подводных экзах. Двое многоногих способны передвигаться только по дну, третий похож на ската, но не обладает таким запасом торпед... Я получаю несколько серьезных попаданий, но броня Гадюки держит. Пока что держит... я калечу двоих из троих и отрываюсь от них среди песчаных подводных дюн, в то время как индикаторы батарей уже в красной зоне...

Темнота...

И вот я с яростью голодного гоблина поочередно колочу ржавым гаечным ключом по шипастому панцирю огромного моллюска и заклинившему открывному вентилю торчащего над водой круглого стального люка. В потрескивающем передатчике кто-то хрипло орет, умоляя меня не лезть к нему и обещая откупиться просроченными галетами и инсектобелком высшей категории. Разряженный экз лежит на мелководе где-то в километре от остатков древней дамбы, превратившейся в разрозненные островки. В шаге от меня подыхающий загорелый абориген со сломанным хребтом и забитым в глотку гребаным бумерангом.

Темнота...

Я убегаю. Меня преследует невероятно странная хреновина, внешне выглядящая, как огромный комок бурых водорослей с торчащими из него короткими толстыми щупальцами. Несмотря на хреновый набор конечностей, по суше тварь двигается быстрее бегущего человека. Но я гоблин. А рядом красная бамбуковая роща. Можно легко оторваться. А еще можно соорудить бамбуковое копьё и попытаться отыскать у этой твари сердце или жопную артерию...

Темнота...

Бреду. Падаю. Отбрасываю в сторону дробовик с искореженным стволом и прилипшими к нему мозгами. В руке намертво зажат пустой револьвер, за поясом последний оставшийся нож. За моей спиной кто-то надрывно воет, проклиная свою судьбу и умоляя выпавшие кишки

забраться обратно. Миновав зону липкой грязи, я опять ухожу в мелководную зону океана, сверяясь с показаниями закрепленного на руке начавшего подмокать компаса...

Темнота...

Долгая темнота... или не слишком долгая... Тут хрен поймешь.

Но вот он я здесь – истощенный, грязный, почти голый и крайне злой валяюсь под кокосовой пальмой. Время предзакатное, но до темноты еще как минимум пара часов. В длинной ране на правом предплечье ползают тонкие красные черви. Серьезно болит поясница справа, ноет правое же колено, над левым ухом хорошая шишка, а правая бровь вспухла и рассечена, но уже заживает.

Провалы в памяти воспринимаются нормально – я помнил, как вкалывал себе дозер за дозером. Помнил, как игнорировал сами собой вылезавшие перед глазами системные сообщения, что раз за разом становились сначала все гневней, а затем резко сменились на панически увещающие.

Лежа под пальмой, чувствуя, как в обожженную солнцем кожу спины въедается соленый песок, я радостно скалюсь в виднеющееся сквозь зеленые ветви небо. И я знаю – провалов в памяти не будет. План выполнен. Выполнен как минимум частично – вряд ли я уже нахожусь там, где планировал оказаться.

Почувствовав, как подпинаваемая голодом волна бодрости докатилась до каждого пальца на ногах, сняв с них омертвелую бесчувственность, я заставил себя сначала усесться, а затем заняться самым главным для гоблина делом – выживанием.

Хрен его знает, кто меня там преследовал, пока я под тяжелой химией уходил от Формоза. Быть может, меня никто и не преследовал, а все всплывшие в памяти схватки – всего лишь плод оглушенного химией воображения. Но рисковать я не мог. Раз не помню всего досконально – значит, надо предполагать худшее и твердо верить как в само преследование, так и в то, что скоро кто-то из преследователей явится сюда по моему следу. Не знаю, сколько времени у меня в запасе, поэтому каждую минуту надо потратить с толком – на поиск жратвы и воды. После чего надо уйти подальше и отыскать временное убежище, чтобы отключиться на несколько часов. Все остальное – на ходу и только на ходу.

Для чего я едва не прикончил себя отключающей активное сознание химией?

Ответ прост – чтобы действовать исключительно на инстинктах, имея при этом заранее выбранную неоспоримую цель. В моем случае это была точка на карте, куда я все эти дни и двигался напролом. Сначала в экзе, потом уже на своих двоих. Хотя вроде как помню, что меня подвезла какая-то огромная рыбина... Но это уже скорей галлюцинации.

Зачем действовать на тупых, но надежных первобытных инстинктах животного?

Ответ еще проще – потому что я себе не доверял.

В те последние дни на Формозе я все глубже и глубже погружался в продолжающие всплывать рваные воспоминания далекого прошлого, а заодно продолжал размышлять, проводя немало часов в одном из кресел зрительского зала высотного театра «Хрустальный Факел». И чем больше занятых и наверняка правдивых картинок из прошлого я вспоминал, суммировал и перерабатывал в своем ушибленном мозгу, тем больше нехороших чувств у меня возникало. Параллельно с этим я мысленно проходил весь свой недавний путь заново – с того самого момента, как я проснулся в мокром тупике стального подземного лабиринта.

Так я набрал целый ком того, что раньше просто не замечал или по какой-то причине намеренно игнорировал.

И едва я это понял, как тут же наткнулся на таранное противоречие, которое с такой силой шарахнуло меня в тупой лоб, что я едва не кувырнулся назад с театрального кресла. Осознав главное, я понял, что не могу доверять даже себе самому. При этом я сумел промолчать и оставить свои выводы при себе.

А как только я решил сохранить эту тайну в мрачных глубинах искалеченного разума, как... тут же вспомнил о ней.

Я вспомнил ее. Болтливую наивную тупую дуру. Мета Окси. Новомодное имечко ей дали родители. Фамилию она выбрала сама, сменив ее уже в зрелом возрасте. В свое время я знал о ней вообще все – даже самые потаенные пристрастия в сексе, которые частенько претворял в жизнь к нашему общему удовольствию. Хотя не сказать, что я фанат траха в падающем с выключенными двигателями флаере. Но эта страсть у Окси возникла как раз после того почти фатального приземления и явления голых бородатых дебилов. В ту ночь я несколько часов тащил ее через кислотные заболоченные пустоши до своей машины.

Вообще это был мой день рождения, и я справлял его, отстреливая обитающих в мертвых болотах ублюдков, регулярно совершающих набеги на еще живые поселения к западу. Есть ли более шикарный подарок, чем отстрел долбанных детоубийц и насильников по одному за каждый уже прожитый год моей жизни? Хотя я настрелял их куда больше в те сутки одиночества, размышления, брожения по мертвым дюнам и стрельбы навскидку. Я уже устал, и у меня заканчивались дыхательные фильтры в маске, поэтому решил, что пора возвращаться. Но увидел сначала падающую машину, мигающую всеми огнями так яростно, словно это и был мой главный подарок на день рождения. Вот я и решил проверить. И ведь не ошибся – подарок оказался хоть куда. Сначала я затушил четыре бородатые живые свечки, а затем распаковал коробку и увидел основной подарок – дрожащий, перепуганный и очень красивый.

Окси на самом деле была душой. Восторженной душой, верующей в людей и яростно ненавидящей все машинное, если там есть хотя бы намек на холодный искусственный разум.

В то предрассветное время, когда я добил семерых еще дышащих придурков, что пытались взломать мой поставленный на особую сторожевую программу флаер – калечить, но не убивать, – и был занят промыванием ее полученных по дороге ожогов, Окси не затыкалась. Слова лились из нее сплошным, мать ее, потоком. В жопу точки – там не было даже запятых или хотя бы секунды на перевод дыхания.

Еще до того как мы взлетели, я уже знал, куда она летела и зачем, с кем планировала встретиться, кого и каким способом пыталась убедить и с какой глобальной целью. Досказав, она наконец-то ненадолго замолчала, а я зашелся в долгом приступе хохота, в то время как машина на автопилоте стремительно набирала высоту. На уязвленный яростный взгляд девушки я внимания не обращал. К тому же ей было трудно выглядеть злой при ее-то ангельской внешности и с огромным пакетом вишневого компота в дрожащих грязных руках. Я перестал смеяться, когда компьютерные системы флаера холодно оповестили, что к нам приближаются две неопознанные машины на недоступных для гражданских средств передвижения скоростях. Это побудило меня взяться за руль и отнестись к словам Окси с куда большей серьезностью. За мной никто не должен был явиться – во всяком случае так рано, – а вот падение ее машины над полными отморожков дикими пустошами выглядело странно хотя бы потому, что такие машины вообще не должны были падать как брошенный камень.

В ту ночь я сбил обоих преследователей, а затем ушел в облака, связался со знакомым капитаном частного старого стратосферного дирижабля, и следующие три недели мы провели у него на борту. Там я и познакомился с Окси поближе – как с ее шикарным телом, так и с ее бредовыми идеями. Попутно я собирал данные, бросая людей расследовать и тянуть за ниточки, вскоре выйдя на организаторов покушения и удивившись тому, как высоко они сидели.

Самой Окси я ничего рассказывать не стал. Просто как-то ночью, после приятного вечера и двухчасового ленивого сексуального забега, когда она растеклась по мокрым от пота простыням и затихла, я неслышно поднялся, снарядился и ненадолго покинул борт приютившего нас дирижабля. На следующее утро электронные таблоиды пестрели новостями о почти одновременной гибели трех человек из верхушки одной довольно важной строительной корпорации.

После этого корпорация получила куда более хреновое управление, быстро пошла ко дну, но ее перехватил в падении и поглотил Атолл.

А Окси...

Я помог ей. Помог ей во всем. Потратил вообще все свои уже немалые к тому моменту средства, причем платя за все в два, а то и в три раза дешевле запрошенной цены. Я умел уговаривать. Когда мои деньги кончились, я начал выбивать средства из банд и мелких картелей, со своим отрядом мотаясь на транспортнике по умирающей планете. Бойцы, пока им щедро отстегивали долю, не интересовались деталями. А некоторым просто нравилось убивать сильных и умеющих отвечать ударом на удар противников.

Где-то через год мы с Окси расстались. Все было мирно – просто мы исчерпали то немногое личное, что могли дать друг другу. У каждого из нас были куда более важные цели, и на этом пути не должно было быть никаких помех.

И когда мы виднелись последний раз, я пообещал ей, что всегда помогу – пусть только позовет. Она кивнула, принимая мое обещание с той небрежной очаровательностью, какой обладают только умные и красивые женщины. И в свою очередь она тоже кое-что пообещала. Причем ее обещание было куда серьезней – Окси обещала помочь даже в том случае, если ее самой уже не будет в живых. Неважно когда. Надо просто явиться к границам ее земель и произнести одну короткую фразу-пароль – любому из ответственных. И мне обязательно помогут.

Что ж... я никогда не думал, что этот момент настанет. Но спустя сотни лет вот он я – полуголый израненный беглец-оборванец, бодрым хромым аллюром двигаюсь к месту, что в те времена было известно как Земля Окси.

Да...

Как-то так...

Знал ли кто-то из моего отряда там, на Формозе, о моей конечной цели?

Нет. Не знал. Они были в курсе некой моей долгой вылазки в режиме соло. Не более того. Почему?

Причина первая – любую информацию можно выудить из головы даже самого стойкого солдата. Все мы когда-нибудь и на чем-нибудь сломаемся и расскажем все без утайки. Поэтому лучше не знать лишнего.

Причина вторая – там же, в большом и пустом театральном зале «Хрустального Факела», наблюдая за патрулирующими и сражающимися группами из моего отряда, я вдруг понял, будто мне кто-то это прошептал на ухо, что как минимум один из моих приближенных является зашанным. Это поняла какая-то часть моего старого разума. Но большего подсознание не сообщило, выдав лишь стойкое подозрение. Возможно, я заметил какие-то детали или собрал в кучу какие-то внешне обычные вопросы из числа задаваемых мне. А может это были какие-то лишние секунды у кого-то из них в медблоке, или кто-то на пару минут дольше обычного задержался на зачищаемом этаже... А может я просто вконец ошизевший параноик, готовый уже бросаться на своих. Не знаю... Даже не уверен в количестве – злобное гоблинское подсознание шепчет, что не может доверять как минимум двоим, хотя и не собирается называть имен...

Ладно... ладно...

– Ладно, – пробормотал я, опускаясь на колено и подбирая еще один крупный кокосовый орех. – Пока главное – не сдохнуть, гоблин. А там дальше разберемся...

Давно сложившийся алгоритм действий и привычек уже успел достаточно объективно оценить мое состояние и имущество. Тело в ранах, но большая часть из них поверхностные, некоторые глубже уходят в мясо, но внутренние органы не задеты. Изредка на меня накатывает тошнота, и это скорее следствие пришедшего по башке сильного удара, чем остатки бродящей в крови химии. Еще меня потрясывает, но это неизбежный отходняк после изнурительного

марш-броска. Сколько десятков километров я преодолел по воде и суше за последние дни? Хотя счет идет скорее на сотни. Мой маршрут изначально был ломаным и непредсказуемым, обманчиво указывающим на лежащий сейчас далеко в стороне искусственный архипелаг. Хотя я и не знаю, существует ли он до сих пор. Часть пути была относительно легкой, и прямо сейчас я вспоминаю липкую кровавую шершавость зажатого в руке кормового руля легкой лодки с бензиновым движком...

Отбросив очередной пустой орех, я тихо рассмеялся, задумчиво глядя на перекачивающиеся под израненной кожей мышцы левого предплечья. Я больше не тот тощий дохляк, что проснулся в стальном лабиринте. Все это время я тренировал и беспощадно дрессировал не только бойцов, но и себя самого. Я выжимал все соки, я буквально рвал мышцы в клочья, а жилы натягивал до струнного звона... Но я довел себя до таких физических параметров, что позволили мне преодолеть весь этот путь, убегая и убивая на ходу. И вот вопрос без ответа: не знал ли я изначально где-то на подсознательном уровне, что мне необходимо прийти в достаточную для подобной авантюры физическую форму?

И ведь Формоз ближе Франциска II к точке, куда я держал свой путь...

Глянув на компас, я встряхнул его и убедился, что стрелка под разбитым стеклом больше не двигается. Я понимаю тебя, железяка. Тяжело быть, сука, постоянной в этом мире и, несмотря на уговоры и давление со стороны, продолжать упорно показывать на север... Но компас предпочел сдохнуть, а не соврать.

Еще на мне подсохшие просоленные трусы, относительно целая майка, несколько намотанных на раны самодельных бинтов и тяжелые ботинки, что уже нещадно натерли ноги. Ну и боевой нож тоже при мне. А чего еще желать гоблину? Остальное добуду при удобном случае. А в воздухе снова так сильно пахнет жареным мясом, будто удобный случай сам стучится мне в ноздри, намекая: иди и дай повару в рыло, а он даст тебе кусок жареного мяса. Чем не обоюдовыгодный обмен, а?...

Глава вторая

Источник маняще-вкусного запаха я отыскал быстро.

Хотя его и искать не надо было – пятерка грязнуль устроила пикник у обочины прорубленной сквозь заросли дороги. Расположились они с полным удобством, а судя по окружающему их пространству, в этом месте они останавливались часто. И растительность тут вырубали тоже часто, не давай ей подняться слишком высоко и перекрыть видимость. В центре высвобожденной зоны стояла пара крепких навесов, крытых побуревшими длинными листьями. Между навесами дымил костерок, на подвешенной к вбитой жерди веревке покачивалась выпотрошенная свинка. Трое отдыхали на низких широких нарах, еще двое сидели у костра и были вооружены. Винтовка и дробовик висят на ремнях за спиной, болтаясь у самых поясов. В песок воткнуты мачете, еще несущие на лезвиях зеленый сок. Чуть в стороне, но не слишком далеко, над большими охапками травы медитируют два осла. Рядом с ними странноватая двухколесная повозка с колесами высотой в мой рост. Разумно – такие колеса пройдут через любую грязь и не завязнут. Хотя вряд ли это транспортное средство можно назвать скоростным... На повозке навалены различные по размеру мешки, перехваченные у горловин веревкой. Несколько небольших мешков то и дело шевелятся, под грубой тканью что-то будто перекачивается в попытке выбраться. Змеи?

Двое сидящих у костра о чем-то лениво разговаривали, но я находился шагах в пятнадцати, а говорили они тихо, поэтому я не услышал ничего, кроме смеха.

Мне хватило минуты, чтобы оценить все условия предстоящей задачи по ликвидации троих, захвату двоих и последующему допросу. Услужливый опытный мозг злобного гоблина с готовностью предложил десяток не требующих особых усилий планов действий. Отбросив их все, я выпрямился, вышел из укрытия и спокойно зашагал напрямик к костерку, задумчиво гадая, кто из них заметит меня первым.

Бублик наблюдательности был завоеван серым ишаком, заметившим меня первым и издавшим странноватое короткое взрывание. Сидящий к нему лицом уже немолодой лысеющий мужик вздрогнул от неожиданности и недовольно рявкнул:

– Заткнись, чертов бурро!

Сидящий напротив него узкоплечий парень увидел меня вторым и среагировал неправильно, предпочтя остаться сидеть, и даже не схватился за оружие.

– Пабло! – окликнул он продолжающего ворчать лысеющего. – Пабло...

– Давно пора пустить старичка на острую чоризо, – не унимался тот.

– Пабло!

– Упрямый, как моя жена! Норов как у...

– Пабло!

– Да погоди ты!

– Пабло! – рявкнул я, остановившись в трех шагах за его спиной. – Хватит ныть!

Охнув, Пабло подпрыгнул, завалился на бок и только затем попытался схватиться за приклад оружия.

– Уймись! – буркнул я, усаживаясь на пустующий пенек и устало роняя руки на колени. – Я пришел с миром. Пока что...

– Хола, сеньор, – держа руки на виду, парень у костра приветливо кивнул и, сменив выражение лица, укоризненно глянул на ворочающегося в пыли. – Мы ведь не пугаем таких, как он, дядя Пабло!

Тот что-то прокряхтел, медленно поднялся на колени и криво улыбнулся. Улыбка предназначалась мне, и легким кивком я дал понять, что увидел, принял и все такое, но к оружию не тянись. Спящие уже очнулись – неудивительно после поднятого эти двоими и умным ослом

шума – усевшись, они продирали глаза, тоже не торопясь хвататься за оружие или что-то говорить.

Все выглядело так, будто эта пятерка оборванцев не в первый раз встречает кого-то похожего на меня. Хотя за вычетом штанов и огнестрела я мало чем отличался от них внешне. Из пятерых двое смуглокожие и черноволосые от природы, один чернокожий, беловолосый и он же самый здоровый, еще двое просто загорелые светловолосые мужики средних лет. Они не бойцы – это видно сразу. Но все же чувствуется, что в случае чего долго думать не станут и сразу спустят курок. Вот только, скорей всего, привычная для них цель все же не двуногая, а четырехлапая добыча вроде хищников. Это говорило о многом.

– Хола, – ответил я, когда бесцеремонно оценил и осмотрел каждого.

Эта затянувшаяся пауза никого не смутила – все это время пятерка внимательно изучала меня. Особенно их впечатлила моя мускулатура и количество шрамов. Меньше всего они смотрели на лежащий на колене нож, а вот крепкие ботинки привлекли немало внимания.

– «Таких, как он»? – я с трудом удерживался от усталой зевоты.

Может и следовало чутко отоспаться, но тогда был риск, что эти пятеро покинут лагерь. А это именно лагерь, причем охотничий. И на той повозке собрано немало добычи, причем часть из нее все еще жива. Это снимало множество вопросов о профессии оборвышей, заодно давая информацию о крайней скудности их заработка. Но они не подневольные – это всегда ощущается сразу. Они считают себя свободными. Нищевольными, но свободными, как ветер. Что ж – я с раннего детства разделяю эти убеждения. Я вырос в заброшенном небоскребе, торчащем из умирающего океана. Мы всегда голодали, носили лохмотья... но мы были свободными. Когда большинство из нас было убито засланными из мести наемниками, а выжившие угодили в чудовищный детский дом... вот тогда я понял, насколько ценна была свобода, которую я раньше даже не осознавал.

– Таких, как ты, сеньор, – осторожно улыбнулся Пабло и, нащупав задницей бревно, уселся на старое место.

Глянув через плечо, он велел одному из проснувшихся:

– Алан! Тащи сюда остатки маисовой каши! – снова повернувшись ко мне, он улыбнулся чуть шире. – Голоден, компаньеро?

– Голоден, – признался я. – Вода есть?

Легким движением ноги я сбросил нож с колена, и он воткнулся в потрескавшуюся землю у моей ступни. Нехитрый фокус чем-то настолько впечатлил молодого парня, что он аж в ладоши пару раз хлопнул, но стушевался под суровым взглядом Пабло.

– Ты мирный и спокойный, да, амиго?

Своими вопросами лысеющий Пабло показал, что он тут главный, доказав это прямо сейчас выполняющимися распоряжениями. Еще он чем-то отдаленно был похож на сидящего рядом молодого парня. Кровное родство. Я уже решил, что если они только прикидываются охотниками, то я оставлю Пабло и того парня в живых, чтобы потом пытать молодого на глазах старого. Ну и вон тот чернокожий тоже еще поживет, но без обеих рук и одной ноги. Он тут самый сильный и грозный, и когда таких, как он, альфа-самцов превращают в беспомощный агонизирующий мусор, у остальных это вызывает шок и горячее желание сотрудничать.

Но пока все выглядит так, как есть. Пятеро оборванных свободных охотников, что сделали временную передышку рядом со старой и регулярно вычищаемой дорогой.

– Я мирный, – подтвердил я. – Такой мирный, что аж блевать хочется. Нарисовать ромашку на песке?

– Че?

– Вода, говорю, есть?

– Ах да! Конечно! Просто твои эти, сеньор...

– Мои «эти»?

– Мышцы, шрамы... глаза... – Пабло очень осторожно подбирал слова. – У мирных людей таких не бывает.

– Глаз не бывает?

– Ты понимаешь, о чем... Послушай... не подумай, что я выпрашиваю у тебя ради хитрости какой-нибудь. Я не такой! Мой племянник Тьяго тоже не такой. Да и остальные нормальные парни – Алан, Дима и Чан. Я ведь почему спрашиваю: вдруг рядом есть кто-то еще, но боится выйти или держит нас на прицеле...

– Я один, – коротко ответил я, принимая большой кожаный бурдюк от чернокожего, названного Димой.

– Один... – повторил Пабло. – Скажи... ты ведь не собираешься нас всех убить?

– Не собираюсь. – ответил я и, прищурившись, глянул на лидера охотников. – Но кто сказал, что я не лгу?

– Мы стараемся верить людям, – широко улыбнулся Пабло. – Ведь все люди добрые!

Я поперхнулся вливаемой в глотку водой и с огромным трудом добил последний глоток. Столь же невероятным усилием воли заставил себя промолчать и продолжил вливать в себя чужую воду. Таким, как этот уже немолодой охотник, бесполезно что-то доказывать. Можешь на его глазах убить его же племянника... так он просто уйдет в запой на пару дней, а затем вернется к убеждению, что все люди полны душевного добра и пердят исключительно фиалками. С другой стороны, его убеждения более чем практичны, и если кто попрет с ножом – его просто пристрелят, но затем похоронят и выпьют над могилкой придурка пару стопок самогона, не забыв сказать несколько слов о добром сердце отморозка.

Короче говоря – эту железобетонную стену не проломить никакими доводами. А я и не собирался. Я просто продолжал собирать информацию из любого источника. И лучше всего это делать не расспросами, а вот так вот – приглядываясь, прислушиваясь к чужим разговорам, ловя обрывки фраз и наблюдая за поведением при той или иной ситуации. Напившись, я налил чуток воды в пригоршню и умылся. Содрать хотя бы с хари остатки солевой корки – уже неплохо.

– Позволь заняться твоими ранами?

Мягкий, даже слишком мягкий голос принадлежал чернокожему амбалу, что осторожно подошел и присел неподалеку, показывая открытый деревянный ящичек с десятком разномастных бутылочек и склянок. Еще там имелся ворох серых бинтов и какие-то инструменты.

Я молча кивнул и вытянул зараженную червями руку, отметив, что на нее он и смотрел, безошибочно определив самую проблемную область. Обменяв бурдюк на деревянную потемневшую тарелку, впитавшую в себя остатки сотен трапез, я занялся кукурузной кашей, сдобренной каким-то маслом, и не останавливался, пока не съел все подчистую.

– Еще есть? – поинтересовался я, облизывая деревянную ложку.

– Найдется, сеньор. Сейчас подадим.

– А мясо?

Охотники заулыбались:

– О! – Пабло часто закивал. – Конечно! Гисо де серпентобудешь? Но для голодного желудка оно тяжеловато...

– Буду, – кивнул я.

На этот раз тарелка была глубже и больше. Этакое корытце, полное кусочков мяса, корешков, порубленных листьев и желтоватых корнеплодов. Все это пахло сильно и пряно, ясно и четко заявляя о своем диком происхождении. Каждый ингредиент был собран здесь, в дикой сельве, а не выращен где-нибудь на ферме. Прекратив изучать блюдо, я принялся за еду, в то время как чернокожий Дима с помощью тонкой деревянной палочки, предварительно тщательно смоченной в чашке с каким-то алкоголем, доставал из моей раны извивающихся жирных червей, бросая их в костер. Глядя, как одна из гнид, судорожно дергается на горячем

булыжнике рядом с огнем, не понимая, что ее жопа – или харя – уже приварилась к камню, я задал главный вопрос:

– Где я? – чуть подумав, добавил еще пару вполне себе обычных для выползшего из океана бродяги: – Как далеко ближайшее поселение? Кто тут главный?

– Главный у нас? – удивленно моргнул паренек и указал на своего родственника. – Пабло говорит – мы делаем.

Досадливо поморщившись, лысеющий глянул на племенника и со вздохом покачал головой. Тот понял, что сказал что-то не то и виноват поник.

– Ближе всего к нам поселение Муро Фуэрте- мы все оттуда родом. Ты не назвал своего имени.

– Оди, – ответил я.

– Оди, – повторил Пабло. – Короткое имя... но звучное... Скажи, Оди – ты хочешь отправиться с нами в Муро Фуэрте?

– Ага, – кивнул я и отправил в рот еще одну ложку змеиного рагу. – Хочу.

– Тогда чуть подлечим тебя – и отправляемся. Ослы уже отдохнули, колесо починено, а еще живую добычу не стоит томить духотой и голодом – иначе потеряем в и без того невеликой цене.

– А ее, – я указал ложкой на освежеванную свинью. – Ее жарить не будем?

– Ты все еще голоден?!

– Ага, – признался я, откладывая пустую тарелку. – Голоден. Хочу мяса. Жареного жирного мяса. Много.

Охотники снова переглянулись и... я снова не уловил от них агрессии, недовольства или жадности. Они просто решали, как им быть, поглядывая при этом на уже темнеющее небо.

– Пожарим над огнем несколько больших кусков, – решил Пабло за всех, и один из охотников заспешил к подвешенной животине с ножом.

– В темноте опасно, – пояснил Пабло, и его рука коснулась висящей за спиной винтовки. – Всякое бывает...

– Что бывает?

– Звери... люди... судьба... На дороге может встретиться разное, компаньеро. Ты кушай, кушай... Раз ты один из спасшихся, то жизнь у тебя была куда тяжелее, чем у нас. Кушай, Оди... кушай. А на все твои вопросы мы ответим по дороге. Мы ведь люди честные, скрывать нам нечего. Душа нараспашку! – и Пабло зашелся долгим искренним смехом.

– Куда это я попал? – пробормотал я, наблюдая, как толстые черные пальцы удивительно умело зашивают длинную рану на моем предплечье. – Или я так и не выплыл?...

* * *

Высокая повозка оказалась настоящим примитивным вездеходом, хотя сначала я, глядя на относительно ровную иссушенную почву, никак не мог понять, для чего такие большие колеса. Но через пять-шесть пройденных километров местность начала быстро меняться.

Дикие джунгли оборвались разом. А дорога осталась. Но теперь она вела почти через домашний лес. Высокие старые деревья казались чуждыми этим землям. И ведь все они были плодовыми. Тут росли только гибриды – это я понял сразу, хотя в заблокированной памяти не шевельнулось ровным счетом ничего. Я просто знал, что вон то высоченное дерево с раскидистой кроной является модифицированной яблоней с мелоковатыми, но обильными крепкими сладкими плодами, защищенными от любых насекомых. В тропических и субтропических краях дерево плодоносит минимум дважды в год. Единственный серьезный недостаток – размеры дерева. Побочный гигантизм исправить не удалось. Зато само по себе оно крайне живуче, неприхотливо к почве, по расчетам должно жить и плодоносить до четырехсот лет,

требует минимум ухода и обладает третьим симбиотическим порогом – прекрасное достижение симбиогенных лабораторий.

Больше я ничего не знал, но тут память наконец ожила, выдав воспоминание-картинку, где я держу в руках большой электронный планшет с десятками строчек поясняющего текста, и там же есть абзац про запрограммированный симбиоз с муравьями, тлей и особым родом грибов. Короче говоря, такое дерево – идеальный вариант для племени мартышек. И для тех, кто готов подниматься за урожаем на высоту до тридцати метров. Если обосрался при подъеме или спуске – не страшно. Удобрение всегда пригодится. А здесь его хватало, кстати – расползающиеся в стороны старые поднявшиеся корни присыпаны листвой и черной жирной почвой, земля вокруг дерева вскопана. И таких вот ухоженных гигантов тут столько, что небо исчезло из виду из-за их сомкнувшихся крон. В зеленом сумраке гуляет легкий ветерок, и температура здесь куда ниже, чем там, в прибрежной зоне. Как-то выживающие в этих потемках лианы обвивали стволы гигантов, тянулись между ними и явно были частью устоявшейся экосистемы. Вдоль дороги еще росли свечкообразные высоченные деревья с длинными свисающими листьями, и тянущие повозку ослы то и дело отхватывали себе по куску этого «салата».

– Лучшая еда для ослов! – с улыбкой поведал мне говорливый Пабло, сидящий спереди, в то время как я развалился среди шевелящихся мешков. – От этой еды ослы вдвое дольше живут! И силы до глубокой старости сохраняют!

– Круто, – кивнул я и покосился на остальных членов охотничьей бригады, что шли пешком по сторонам повозки и выглядели довольно напряженными. – Ты продолжай рассказывать, Пабло. Продолжай...

Тут и начались частые спуски и подъемы – то и дело повозка вкатывалась в тянущийся поперек дороги ручей с очень пологими берегами и довольно глубоким руслом. Ослы спускали и вытягивали повозку с помощью подталкивающих охотников, и мы двигались дальше – до следующего рукотворного ручья. Тут целая ирригационная сетка, поддерживающаяся в идеальном состоянии.

Перебив разошедшегося главу охотников, я ткнул пальцем в воды очередного форсируемого ручья и задал резонный вопрос:

– Мостик тяжело построить было?

– Нельзя! – категорично ответил Пабло и, поднеся ко рту ладони, подул на них, будто пыль сдувая. – Должны окунуться копыта, колеса, ноги, лапы... и даже хвосты! Ну ладно, про хвосты это шутка. Ха-ха-ха!

– Ну да, – буркнул я, прислушиваясь к несмолкаемому птичьему ору над головами.

– А скоро дойдем до мелководного поста. Там все вброд пойдем, а повозку под душем специальным пропустим. Там же тебя и служащим на дороге парням представим – такой уж порядок.

– Ага, – лениво кивнул я. – Яйца птички тоже собираете?

– Конечно! Но строго в меру. В прошлую ходу собрали пять сотен ровно! – гордо ответил шагающий рядом Дима. – Все продали! Половину отдали в казну. Наша ступица по добычливости одна из лучших во всем Оксидаре!

– Оксидар, – повторил я, уже раз тридцать за последние полчаса услышанное название всех окрестных земель, что тянулись от побережья на пару сотен километров вглубь.

Правильный квадрат. Огромный правильный квадрат.

Оксидар.

Достаточно густонаселенная местность с расположенным точно в центре главным городом, десятью крупными районными центрами и немалым количеством мелких поселений и хуторов. Ближайшее к нам поселение называлось Муро Фуэрте. Оно находилось приблизительно в пятидесяти километрах от более крупного по населению городка Овентаг, являюще-

гося районным центром. Вся территория, что находилась по направлению к нему от столицы Даррос именовалась Седьмой Ступицей или же седьмым направлением.

Как ты жопой не крути, а от централизованного управления никуда не деться, если только не страдаешь такой неизлечимой хренью, как доверие ко всем и во всё. Но такие придурки, как правило, живут недолго. Остальные же придерживаются правила: «Правь стиснутой на их яйцах железной рукой и дави сильно! – кроваво-склизкое должно сочиться, не переставая!». Это единственный способ достичь контролируемого, долгого и устойчивого баланса.

Все почти также, как и в любом из миров-опухолей. Но все же не так... Здесь от центра старались держаться максимально далеко. Пабло поведал мне удивительную вещь – в город забирали только тех, кто реально накосячил и нуждался в постоянном, так сказать, наблюдении, пока убирает улицы от грязи. А еще тех, кто реально там должен находиться – особо умелых медиков, к примеру. Но только не руководящее звено.

По здешним правилам любому достаточно крупному управленцу строжайше запрещалось дважды ночевать в одном и том же месте, и он постоянно кочевал из одной ключевой точки в другую. Так четыре дня назад охотничья группа встретила на одной из главных дорог с человеком, ответственным за все мельницы и амбары южной половины Оксидара. Вот уже двенадцать лет этот бодрый старик жил в дороге, путешествуя на тяжелом фургоне вместе с женой и парой взрослых уже детей, ночуя там, где застала ночь, постоянно курсируя между мельницами и зерновыми хранилищами и общаясь со всеми причастными к мукомольному делу.

Подобная ответственная должность считалась высокой честью, но накладывала океан всевозможных ограничений – причем немало и пожизненных. Никаких посещений ресторанов, например. Полный запрет на обладание личной недвижимостью – кроме той, которую выходящий на заслуженную пенсию управленец получал во временное пользование. И получал он что-то вроде сельского одноэтажного домика на небольшом участке, принадлежащем ему до самой смерти и смерти его жены или родителей. Затем недвижимость переходила к следующему пенсионеру. Вообще ограничений было столько, что владеющий двумя вполне сносными лачугами Пабло чуть слезу не пустил и признался, что однажды ему хотели предложить должность младшего лесничего, но у него хватило ума отказаться. Уж лучше сытая ленивая свобода, чем такое вот вечное движение до самой смерти – это если не снимут с должности на ежегодной проверке... А если вспомнить, что за любой проступок всех, кто отмечен серебряной или золотой бляхой судят вдвое строже, то желание повелевать и властвовать исчезает мгновенно.

Подобную систему здешним землям несколько сотен лет назад даровала сама Леди Окси, и с тех пор на любое изменение здешних правил наложено табу.

Бывают ли инакомыслящие?

Как не бывать! С ними поступают просто: выясняют, кто воду мутит, отлавливают, собирают ему вещички в рюкзак и дают пинка под зад. Пусть себе идет и разводит долбаную ересь где-нибудь в другом месте. А тут правила и будет править оксикратия, которую поддерживают как низы, так и мучающиеся верхи, включая в себя и всю военную касту. А здешние вояки, кому хоть и запрещено вмешиваться в дела гражданские и чьи прямые обязанности заключаются в защите от врага любого рода, уже трижды устраивали государственные перевороты, проводя массовые чистки и не гнушаясь расстрелами. Последний переворот был лет сорок с небольшим назад, и с тех пор все тихо. Пабло тогда был еще пацаном, но он помнил, как догоняли и расстреливали остатки тех, кто пытался спастись бегством.

Негодяи посягнули на святое – на свод правил Леди Окси. Хотели выбить право управленцам сохранять за собой родовую недвижимость.

Вот подонки! Хочешь служить народу – брось все и иди служи!

Как ты можешь отдаться служению, если у тебя мысли о личной зеленой лужайке и о том, где раздобыть денег на починку крыши родового поместья? А вот когда у тебя из личных

вещей только старый фургон с парой лошадей, потрепанные штаны и целая куча обязанностей – вот тогда тебя ничто не обременяет и служится особо хорошо. Служится истово и вдумчиво.

А еще правила есть?

Пабло часто закивал и со счастливой улыбкой развел руками. Похоже, он показывал этим жестом объем еще неозвученных правил. Что ж они все лыбятся? Может, как и эти ослы, жрут какие-нибудь листья особые? Напитанные транквилизатором природным...

Правил много! Есть и те, что касаются приходящих извне. Таких сразу отвозят в один из центров и там разговаривают. Вот о чем именно разговаривают, того Пабло не ведает. Да и никто из его парней тоже не знает. Не их это дело. Но на том дорожном посту мы либо расстанемся, либо им поручат доставить меня до поселения и отвести на площадь, где решаются различные дела. Там же и телефонная будка.

– Будка? – вздрогнув, я ожил и повернул голову к охотнику. – Что за будка?

– Ну... кабинка такая со стеклышками и дверкой, – удивленно ответил Пабло. – А внутри аппарат, а на нем диск крутящийся с дырочками. В каждой дырочке цифра имеется. А пользоваться, значит, надо аппаратом вот как...

– Кабинка какого цвета? – перебил я.

– Зеленая с красными ромбами и синими линиями, идущими волной...

– Ясно, – кивнул я. – Тогда мне надо к той будке, Пабло.

– Тут не мне решать, компаньеро. На дороге тебя как встретят – там с ними сам все и обговоришь. А наше дело маленькое...

Бросив взгляд на окружающий нас гигантский ухоженный сад, оценивающе глянув на лежащую на краю повозки винтовку, я прикинул разделяющее меня и будку расстояние и то, за какое время я преодолею эти километры, и... расслабился, позволив себе задремать.

В голове что-то едва заметно зудело – где-то в самой глубине черепа. И зуд был скорее ментальным, а не физическим. Что-то из глубин искореженной психики шепотом взывало ко мне – проверь нейроинтерфейс, гоблин. Проверь! Но интерфейс я заблокировал в самом начале своей внезапной... самоволки...

А ведь и верно... я хрипло рассмеялся, глядя в мерцающее далеко вверх лиственное зеленое небо.

Гоблин в самоволке.

Уже не первый раз я покидаю мир-опухоль и оказываюсь в большом мире. Но в первый раз я это сделал действительно сам – без чьей-либо помощи или чьего-либо ведома.

Зуд в голове не унимался, но я всегда умел игнорировать неприятные ощущения. Справился и в это раз. И зуд затих, сменившись куда более приятной болью заживающих ран. Несколько ручьев назад я не выдержал и хорошенько искупался в прозрачных водах, окончательно избавившись от остатков соли и грязи. И теперь чистое тело блаженствовало, а полный хорошей еды желудок добавлял хорошего настроения. Хотелось меньше двигаться и думать. Поэтому я продолжал дремать, пока покачивающаяся повозка продолжала катиться по испещренному водной сетью гигантскому плодovому саду...

Глава третья

Повозка тащилась медленно – ослы тупыми не были и перерабатывать не собирались. Поэтому нужную точку я увидел загодя и без всякой спешки принялся ее рассматривать.

Блокпост представлял собой очередной навес, чьи опоры стояли на высоких каменных кубах. На этом же основании лежал и крепкий дощатый пол, разместив на себе пару столов, несколько лавок, бочек и прочего барахла. Все сделано вручную – это сразу бросается в глаза. Никакого фабричного производства. Но при этом все сделано с максимальной основательностью, полностью оправдывая выражение «на века». Судя по внешнему виду бревенчатых опор, им примерно вчера лет двести исполнилось, и они были готовы простоять столько же – несмотря на тот факт, что навес стоит над широким водным потоком. По обращенной к нам боковой стороне навеса тянулась длинная надпись «Санитарно-ветеринарный пост № 23». Ниже нее болталась вырезанная на покрашенной доске еще одна надпись: «Пост вежливого досмотра и чуткой бдительности за пределы родного края».

Охренеть...

Моих ноздрей коснулась вонь замаскированной парфюмом эльфийской жопы...

Кто, интересно, составлял последнюю гребаную надпись?

От вопросов я удержался, с удивительным трудом сохранив гоблинскую откровенную пасть закрытой. Но харю так перекосило, что усевшийся ровнее Пабло, как раз оглянувшийся на меня, заметил эту гримасу и задал логичный вопрос:

– Что-то не так, компаньеро? Не бойся – тут ничего худого никому не сделают. Парни и девки умные, глупостей себе не позволяют. Да и строго у нас с этим – смотрящий бдит крепко. С нашим хефе Домиником не забалуешь.

– Хефе Доминик, – повторил я, запоминая новую информацию.

Последние часы пути я не задал ни одного вопроса – усталость взяла свое, и я попросту позорно отрубился. Отключился настолько плотно, что не осознавал и не слышал вообще ничего и никого вокруг себя. Вздумай меня кто разоружить и связать – у него получилось бы с легкостью. Правда потом я бы его убил за это... а так проснулся, и все остались целы. А еще я перекусил завернутым в лепеху холодным мясом, запил теплой водой из бурдюка и был всем доволен. Тело почти восстановилось – по моей оценке, я снова мог преодолеть в достаточно быстром темпе под сотню километров минимум и это по пресеченной местности. А если местность такого вот «щедрого» типа, где есть чем напиться и что сожрать на ходу, то дистанция потенциального марш-броска резко увеличивалась. Но пока такой необходимости не было, и я продолжал валяться среди «живых» мешков и разглядывать приближающийся блокпост.

– Те надписи, – пояснил я ждущему ответа охотнику. – Нижняя надпись... кто ее составил? Выглядит свежей...

– Надписи? – Пабло недоуменно прищурился, всматриваясь в еще далекий пост. – Погоди, амиго... так ты прочел, что ли?

– Прочел, – подтвердил я.

– Да как ты разглядел с такого расстояния так? – изумился лысеющий лидер бригады, усиленно тря себе веки. – Или я уже такой старый, что глаза сдавать начали?

– Я тоже не вижу, тию Пабло, – пропыхтел его племянник, толкающий повозку. – А я вроде пока молодой... Но ту надпись помню почти наизусть. Хорошая ведь. Звучная. Как же там было? А! Уже и прочитать могу: «Пост вежливого досмотра и чуткой бдительности за пределы родного края»! Говорят, на каждом посту такую повесили. А составила ее аюданте Гильда.

– Гильда, – повторил я, запоминая еще одно имя. – И чья она помощница?

– Так с самого центра она! Кто ж знает, чья... но вроде как старшая! А надпись эту года три назад подвесили под навес, – улыбался молодой Тьяго. – Сеньора Гильда знает, как защитить простой люд одними лишь словами! Не то чтобы нас притеснял кто – мы других ничем не хуже, – но все же душе приятно.

– Ясно, – процедил я, делая внутреннюю заметку.

– Так что не так с надписью той? – не мог успокоиться Пабло.

Пришлось пояснить как есть:

– Надпись тупая, разлагающая личный состав и снимающая ответственность с каждой жопы в округе, – пояснив, я покосился на Пабло и снова перевел взгляд на навес.

Бурлящие воды омывали его со всех сторон. Добраться до него можно было только вброд, хотя вон там я вижу торчащие из воды камни, образующие цепочку. И это тоже дерануло меня изнутри.

– Это в каком же месте доброе послание аюданте Гильды такое говорит? – охотник медленно заморгал, пытаясь вычленить нужную информацию из внешне столь безобидных слов.

– Пост вежливого досмотра, – произнес я.

– И что с этими словами не так? Вежливость всегда нужна! Мы ведь тоже люди!

– Вот! – я наставил на него палец, покрытый уже заживающими царапинами. – Вот ты уже и начал качать свои сраные права, гоблин.

– А?! Ты чего вдруг, компаньеро? Зачем ругаешься?

– Как только появляется предложение досматривающим проводить осмотр вежливо – как тут же среди досматриваемых появляются недовольные всем и вся. Начинается с того, что не надо выворачивать мешки грубо, продолжается просьбой не проверять прямо уж каждый мешок, а кончается жалобами в центр и просьбами снять с поста того урода с вечно злой рожей. В результате те, кто отвечает за досмотр, начинают бояться самих досматриваемых и последствий за правильно выполненную работу, и как гнойный итог – за пределы поста в центр уходит запрещенка и просто любая незамеченная опасная хрень... Поэтому досмотр должен быть досмотром – тщательным выворачиванием каждой жопы наизнанку и осмотром каждой анальной трещины на предмет контрабанды. И при этом посрать, какая там будет рожа у досмотрщика.

– Кхо-о-о... вот это ты завернул...

– Завернул, – кивнул я. – И это только первая часть.

– А вторая? Про бдительность. Здесь что плохого?

– Бдительность должна быть направлена в каждую сторону, – ответил я. – Враг может ударить не только снаружи, но и изнутри. Любая диверсионная грамотная группа не станет атаковать в лоб, а предпочтет зайти с фланга или с тыла. Или просто обойдет ленивых олухов и уйдет вглубь чужой территории, не вступая в бой и не поднимая шума. Так что смотреть надо в обе стороны, не забывая про скрытое наблюдение с замаскированных постов и регулярное патрулирование.

– Ты кто такой, компаньеро? Че-то у меня аж похолодало там болезненно, – пробормотал Пабло и хлопнул себя по задку.

– И благодаря такому вот добросердечному тупому посланию все начинает делаться через жопу, – продолжил я, чуть привставая и вглядываясь в приметный предмет, что сразу привлек мое внимание и что-то оживил в черной дыре беспамьяты. – Мало того – в результате еще и виноватых не найдешь! Мы, мол, смотрели в ту сторону, как и завещало послание Гильды... а враг атаковал с тыла. Мы проявляли вежливость, и в результате большое чумой животное оказалось внутри защищенных территорий, и начался мор и падеж скота... Но мы не виноваты – ведь мы все делали по висящему над головой предписанию...

– Так кто же ты все-таки такой, Оди?

– Я? Я гоблин... – пробормотал я, усаживаясь. – Просто злой гоблин...

Там, под навесом, было немало крепких парней и девок. Даже визуально они были разделены на два частично смешавшихся лагеря. Четверо в серых распахнутых халатах и такого же цвета бейсболка. И шестеро в военной зеленой с желтым форме. Последние вооружены автоматическим оружием, и оно пусть не на спинах, но под рукой. Подхватить можно за секунду. На поясах ремни с расстегнутыми кобурами. Все выглядят не отдыхающими, а работающими. За рекой виден небольшой удаляющийся караван из нескольких груженных повозок. Нам до навеса осталось метров десять, и мы во всю уже меряемся гляделками – причем на меня смотрят почти все с поста, хотя мой голый торс прикрыт чьей-то просторной старой безрукавкой. Чужака они вычленили сразу, что им только в плюс.

Но смотрел я не на них – уже не на них, так как увидел главное, определил командира и его помощницу, между которыми явно имелась более чем глубокая неуставная связь, отметил еще несколько важных деталей и временно переключил внимание на куда более интересный предмет.

Под потолком навеса на цепи висел красный деревянный ящик. Вокруг цепи сбежал в ящик черный витой провод. Над навесом имелась тонкая длинная антенна, наверняка там же и солнечная панель – раз на навес падает уже почти неощутимый вечерний солнечный свет из прорубленного в древесных кронах проема.

Этот красный ящик мне и нужен...

– Добрый вечер! – звучно поздоровался молодой парень в зеленом, покидая навес и прыгая на один из камней-островков. – Останавливаемся. Все, как всегда, типос, все, как всегда.

За ним следом из-под навеса вышла невысокая девушка с пышными формами, накинувшая на плечо серый рюкзак и на ходу надевающая длинные защитные перчатки.

Парень достиг берега и остановился в полушаге от воды, глядя только на меня.

– Так... вижу, ты подобрал пассажира, Пабло, – улыбнулся военный. – Добрый вечер, незнакомец.

– Мне нужен вон тот предмет, – я указал на покачивающийся на цепи красный ящик – Прямо щас.

Удивленно моргнув, парень начал открывать рот, но я не дал ему ничего сказать, озвучив вдруг вспыхнувший в башке набор внешне никак не связанных слов:

– Новолуддизм. Затмение. Пять. Один. Окси. Дельта. Тупая. Дура. Долг.

Выпучившись на меня, молодой вояка заморгал еще чаще, медленно опуская руку на кобуру. В его глазах читалось полное непонимание.

– Солнце сегодня было жарким, – кашлянул он. – Многие перегрелись и...

– Тихо, Стакки! – этот резкий командный голос исходит от мужика лет сорока.

Говорил тот, кого я опознал, как командира этой группы. Поднявшись во весь свой немалый рост, он глянул на меня и... потянулся к красному ящику со словами:

– Доступ к связи предоставлен по твоему требованию, амиго. Топай сюда.

Спрыгнув с повозки, я миновал изумленного вояку и вошел в мелкие воды. Меня никто не атаковал, все кроме командира были в лютom недоумении, а тот просто протянул мне телефонную трубку на проводе. Прижав древний аппарат к уху, я услышал пару длинных гудков, а затем крайне удивленный женский голос с той стороны:

– Случилось что? В смысле – слушаю! Что произошло?!

– Окси. Смесь кислот. Пять. Гамма. Одиннадцать. Тупая дура, – слова выходили из меня будто сами, и они явно имели какой-то смысл, раз на той стороне сначала воцарилась тишина, и только секунд через пять охрипшая женщина дала ответ:

– Протокол Одерон активирован. Вертолет уже поднимается... сэр. Ожидайте.

– Принято, – буркнул я и вернул трубку военному.

Усевшись на доски навеса, я опустил ноги в воду прямо в ботинках и поинтересовался:

– Кофе есть?...

* * *

Прибывший старый, но поддерживающийся в идеальном состоянии вертолет доставил меня не к центральному городу. Нашим пунктом назначения оказалось смутно знакомое мне мрачное здание, выглядящее абсолютно безликим серо-зеленым кубом. Высота в тридцать с небольшим метров, плоская крыша, напичканная всем необходимым под завязку – от водосборников и солнечных панелей до огорода, плодового сада и вынесенной за пределы крыши посадочной площадки.

На нее мы и опустились – пилот сработал ровно и четко. За не слишком долгое время полета он ни разу не взглянул на меня и после взлета не произнес ни единого слова. Кроме нас, в вертолете не было никого. Зато на сиденье лежал небольшой деревянный ящик. Внутри него обнаружился кусок копченого жирного мяса, стеклянная солонка, полная крупной соли, большая головка свежего чеснока, несколько ломтей ноздреватого и еще теплого хлеба, полулитровая бутылка виски «Мертвая Башня» и стеклянный закрытый кувшин, доверху наполненной темно-красной жидкостью. Его я проверил в первую очередь. Принюхавшись, сделал крохотный глоток и... не отрывался от кувшина, пока не ополовинил его. Кисло-сладкий компот... Мой любимый – это я осознал буквально только что. Его не могли сварить к тому моменту, как я дал о себе знать – разве что знали заранее о моем появлении. Но и совпадением это тоже быть не могло. Ответ дал пилот, первый и предпоследний раз нарушив молчание:

– Кастриюлю особого компота варят дважды в сутки. К исходу каждых двенадцати часов отдают персоналу и варят свежий. Все остальное тоже всегда наготове, сэр. Всегда... в течении столетий.

Я промолчал, вставляя кувшин в специальные держатели внутри деревянного ящика. Следующей я вытащил бутылку виски. В этот момент пилот нарушил молчание последний раз:

– Взлет.

Он не предложил пристегнуться или надеть наушники – это я сделал сам, не отрывая взгляда от этикетки на бутылке виски. Серый бурный океан вздымает пенные волны, а из его вод поднимается угрюмая и некогда светлая башня-небоскреб с зияющими в ее стенах многочисленными темными проломами.

Виски «Мертвая башня»...

Это мой виски. Я выпускал его, контролируя процесс от и до. Да... к тому моменту я владел парой десятков похожих друг на друга полуподпольных баров по всему задыхающемуся миру. Даже больше – их было двадцать два. Одиннадцать баров находились на нижних уровнях башен, и там собирались сочащиеся гнойной грязью гоблины, что порой не могли заплатить даже за глоток самого дешевого бурбона. Еще одиннадцать баров находились на вершинных уровнях различных жилых башен и работали для посетителей совсем иного рода. Я беспрестанно мотался от одной точки к другой, попутно со своим все растущим и растущим отрядом обстрепывая куда более криминальные и кровавые дела, приносящие огромную прибыль. Да... в те времена я работал уже только и только на себя. Я обладал определенной репутацией... И в каждом из моих баров подавался виски «Мертвая башня».

Бутылка в моей руке стара... очень стара... ее горлышко залито бурой массой, что рассыпалась мелким крошечкам в моих жестких пальцах. Плачуще вскрикнула скручиваемая жестяная крышка, в ноздри ударил знакомый крепкий аромат. Это он... настоящий...

Стакана или стопки не нашлось. Я ощутил в этом какую-то смутно знакомую насмешку... и сделал большой глоток прямо из горлышка. Утерев рукой обожженный алкоголем рот, я занялся куском копченого мяса и хлебом. Из хрустнувшей в ладони головки чеснока полезли крупные белые дольки. Медленно жуя, наслаждаясь каждым куском и глотком, я смотрел на проносящиеся под нами земли. Вертолет летел низко. Уверен, что и это было сделано

намерено. Квадраты и прямоугольники ухоженной возделанной земли сменялись плотными линиями плодовых садов, хуторами, частыми озерцами и пасеками. Тут все было посвящено главному – производству абсолютно всего необходимого для обеспечения безбедного существования всех жителей. И эти самые жители прямо сейчас трудились в поте лиц, делая паузу лишь для того, чтобы проводить взглядами из-под соломенных шляп пролетающий над ними вертолет. Затем они вновь возвращались к работе, вытягивая из озерных вод сети, полные живого серебра, с не настолько гигантских деревьев собирались огромные желтые мандарины, на бахчах срезали полосатые арбузы и дыни, громоздящиеся горами на просевших повозках. Благословенная пора сбора очередного щедрого урожая от умиротворенной и ублаженной земли. И тут хватало черных перепаханных лоскутов отдыхающих от работы полей и выглядящих совсем дикими и нетронутыми ничьей рукой лугов... Природу здесь берегли. Это было видно даже с пролетающего вертолета...

Когда машина приземлилась, пилот остался на месте и лишь взглядом указал на окруженную ящиками с цветами и томатными кустами дорожку, ведущую к небольшой надстройке. В надстройке имелась открытая дверь, а рядом с ней стояла высокая одинокая женская фигура в длинном белом платье. Оставив в салоне почти полную бутылку виски, я кивнул на нее пилоту:

– Забирай.

– Это честь, сэр, – ответил он, глядя на меня сквозь непроницаемое черное половинное забрало шлема. – Спасибо!

– Ага, – кивнул я, отворачиваясь и дожевывая последний кусок мяса.

– Вы... это на самом деле вы? Тот самый? Легендарный и...

Рассмеявшись, я двинулся по дорожке, не забыв по пути сорвать несколько небольших спелых помидорин. Одна за другой они лопнули у меня на зубах, плюнув яркими красными брызгами на старую безрукавку и безукоризненно чистое покрытие дорожки.

От двери ко мне шагнула старуха в белом платье. Седые волосы собраны в аккуратный узел на затылке, начавшие тускнеть зеленоватые глаза смотрят чуть испуганно, но и властно одновременно. Ее спина явно не привыкла ни перед кем сгибаться, а суровая складка у перепоны вряд ли когда-нибудь разглаживается. На вид ей лет восемьдесят, но вряд ли она столь уж молода.

– Приветствую! – произнесла незнакомка и... сбившись, замолчала.

На ее лице мелькнула и исчезла сердитость на саму себя. Поправив тонкий белый пояс с серебряной пряжкой, выглядящей как скрещенные стрелы, она указала рукой на открытую дверь, за которой виднелась кабина просторного лифта:

– Прошу вас, сэр. Прошу. Я сопровожу вас к нужному месту.

– Сопроводишь... – безразлично произнес я, стирая с подбородка потеки сладкой помидорной мякоти.

– Со всей радостью.

Властная старуха попыталась улыбнуться, но у нее не особо получилось, а по лицу снова пробежала судорога – на этот раз мне почудилось раздражение. Оправившись, она продолжила:

– Мы всегда верили, что однажды это радостное долгожданное событие случится. Мы верили всей душой. С первого своего дня вступления в нынешнюю должность я верила, что эта честь выпадет именно мне...

Пройдя мимо нее, я первым вошел в лифт. Она зашла следом и нажала одну из многочисленных старомодных медных кнопок. Двери медленно закрылись, и старуха повернулась ко мне. Ее опять спокойное и на этот раз куда лучше улыбающееся лицо изгнало с себя остатки раздражения.

– Я старшая помощница Гильда, – представилась она.

– Гильда? – повторил я, в то время как лифт начал медленно опускаться.

– Да. Вот уже как тридцать семь лет я являюсь бессменным помо...

– Ответ-ка на один вопрос, Гильда, – перебил я старуху, прислоняясь плечом к стене лифтовой кабины. – Но ответ честно.

– Я не совсем понимаю... сэр...

Я широко улыбнулся:

– Вопрос простой.

– Я... я слушаю вас внимательно, сэр... и, конечно, я не собираюсь лгать.

– Конечно, – кивнул я. – И вот вопрос: что ты скажешь абсолютному психопату, любящему выскрести чужие мозги через глазницы при помощи ножа, ногтей и серебряных пряжек, оказавшись с ним вдруг в заблокированном лифте и зная при этом, что долбаный психопат прямо вот, сука, подозревает, что ты, сучья тварь, постепенно меняешь и дополняешь древние законы и обычаи, а заодно мечтаешь о верховной власти над этими процветающими землями... что ты ответишь этому психопату, Гильда?

– Я... а?! Я не... я... что?!

– У тебя только одна попытка, тупая ты сука, – улыбнулся я, медленно нажимая кнопку остановки своим грязным гоблинским пальцем с сорванным с мясом ногтем. Я нажал так сильно, что кровь потекла снова. – У тебя всего одна попытка... и поверь – только от твоего ответа будет зависеть, как глубоко серебряные стрелы уйдут в твои глазницы...

– Я...

– Т-с-с-с... – я прижал окровавленный палец к ее задрожавшим губам. – Подумай чуток, пока я прикидываю, как вывернуть твой левый глаз так, чтобы он остался висеть у тебя на щеке и продолжал видеть... И подумай хорошенько, старшая помощница Гильды... пока тебе есть чем...

Звякнув, двери открылись, и я покинул лифт. На белом мраморном полу следом за мной тянулись кровавые отпечатки. Я не оборачивался, но знал, что Гильда продолжала сидеть в дальнем углу, прижимая ладони к истекающему кровью лицу. Подбросив на ладони вырванное глазное яблоко, я швырнул его в стену, и оно лопнуло о лицо нарисованной сучьей Гильды, чей небольшой портрет украшал стены просторного и ярко освещенного коридора.

Тут была всего одна дверь – она уже была открыта и находилась передо мной. Перешагнув порог, я остановился на входе в просторную светлую комнату и некоторое время молчал, глядя на размещенной по ее центру прозрачный аквариум с желто-красной жидкостью. Внутри плавал сморщенный ошметок вроде как еще живой плоти, истыканной многочисленными шлангами и трубками.

– Ты все же пришел... – тихий голос донесся от саркофага, но я был уверен, что вон тот плавающий кусок тухлой рыбьей наживки говорить не мог просто физически.

Но голос был знаком. Не только голос, но и целый спектр интонаций, вмещенный в эти четыре слова.

– Окси?... – произнес я, делая шаг к аквариуму.

– Скорее то, что от меня осталось...

– Охренеть... помню, как я оставил тебя отмывать в джакузи в тот последний раз и сказал ждать меня... но ты, по ходу, поняла это слишком буквально... От тебя щас что-то отпало... вроде как жопы кусок...

– Ты... – выдохнул голос и тело внутри аквариума едва заметно вздрогнуло. – Это точно ты. Выглядишь иначе. Голос другой. Но анализаторы опознали тебя стопроцентно. Я сначала не поверила, но теперь... теперь вижу... чувствую...

– Чем ты, нахер, там че чувствуешь? – я задумчиво почесал подбородок и неожиданно сам для себя вдруг сбавил обороты: – Какого хрена, Окси? Почему ты выглядишь, как кусок раскисшего дерьма?

– Меня пытались убить. Сто двадцать три года и четыре месяца тому назад, – она ответила спокойно и безэмоционально. – Попытку совершил крайне близкий мне человек. Предельно близкий и максимально доверенный.

– Типа новый я?

– Больше, чем ты. Его я любила... доверяла полностью...

– Ну да... – я поморщился. – Забыла, что я тебе сказал о доверии в тот последний день? До джакузи мы успели поговорить о многом...

– Не забыла. Ты сказал – никому и никогда не доверяй. Я следовала этому кодексу больше столетия... а затем твои слова перестали так уж ярко пылать в моей голове. Дела шли отлично. Планы выполнялись. Все шло ровно, плавно и правильно. И я... я решила, что уже можно немного расслабиться... ведь все мы люди, Од...

– В этом ваша проблема, – кивнул я. – Как ты меня назвала? Од?

– Как и всегда... почему ты спрашиваешь?

– Моя память стерта, – буднично оповестил я. – Не помню почти ничего. В башке с болью ворочается визгливый хоровод несвязных обрывков воспоминаний... Чьи-то лица, чьи-то громкие слова, какие-то события и много крови... Вот тут, – я постучал себя пальцами по обоим вискам одновременно, – вот тут большая проблема, Окси. Поэтому я и вернулся. И теперь меня зовут Оди.

– Оди... Хм... даже я не знала твоего настоящего имени – лишь несколько псевдонимов. Одерон, Одрэкс, Одигар... Но меня-то ты помнишь?

Я покачал головой, медленно обходя аквариум:

– Не помню почти ничего. Но момент нашего знакомства помню...

– Как же давно это было... момент начала. Не будь тебя – не было бы и всего этого. Я была наивной идеалисткой с примесью пацифистского гнойного дерьма – как ты сам сказал. Ты вправил мне мозги. Научил многому. Ты внес огромные изменения в мой проект... Ты плескал черной краской на мой белоснежный ангельский несбыточный план, и появившийся мутант оказался куда более жизнеспособен. Я несла мягкий свет, а ты жесткую тьму... Мы были с тобой как Инь и Янь...

– Как Хрень и Срань, – буркнул я. – Твою мать, Окси... чем тебя траванули, если не может справиться даже продвинутая медицина? В твоем теле все еще бродят токсины?

– Благодаря тебе и твоим урокам, я стала бессмертной. И потратила еще вечность на создание дополнительных гарантий моего выживания при любом раскладе. Поэтому тот, кому я отдала свое бессмертное сердце... вонзил в него шприц с уникальной смесью тяжелых радиационных элементов и питающимися ими микроорганизмами. Какое-то новое поколение, изобретенное им в его личной лаборатории. Он тоже был идеалист... и верил, что мой путь слишком устаревший... что пора покинуть пределы этих земель и нести наши убеждения на новые территории... Он был лидером... экспансионистом... он стремился нести людям добро...

– И что ты сделала с этим сучьим вырожденком?

– Запытала до смерти собственными трясущимися и облезающими на глазах руками, – ответил кусок полумертвой плоти в помутневшей воде. – Все то черное, что живет в душе каждого из нас, вылезло в те шесть дней из меня в полной мере. На седьмой день он умер в диких муках...

Тело внутри затопленного бокса содрогнулось. Из всех натуральных отверстий и проеденных в плоти щелей ударили струи мутной жидкости. Сработавшие насосы принялись оперативно менять состав аквариума, и вскоре жидкость опять стала прозрачной. Все это время я молча разглядывал жалкие остатки, что некогда были красивой женщиной.

Ноги сгнили до середины бедер. Рук нет вообще. Глубокие каверны в плоти, кое-где видны почерневшие кости. Лысая деформированная голова утыкана металлическими стержнями, к скрытому пластиковыми накладками лицу плотно прилегает дыхательная маска. Глаз

нет... как и вообще всего над маской – там лишь истерзанная неостановимым гниением бесформенная вспученная плоть.

– Последние сто двадцать три года ты плаваешь в этой луже?

– Нет... я нахожусь здесь чуть больше пятидесяти лет. До этого меня удавалось стабилизировать разработанными ежедневными процедурами. Все это время наши ведущие ученые бились над попытками очистить мое тело от разрушающих его веществ.

– Но?

– Но оказалось, что это невозможно. Я медленно умираю, Од... Оди... То, что ты сейчас видишь – всего лишь затянувшаяся на сто двадцать лет агония. Меня уже не излечить. Это невозможно.

– Возможно, – ответил я и огляделся. – Так... мне бы пожрать. Есть че?

– Пожрать? Я ведь отправляла тебе тот самый особый приветственный набор... Ты как всегда ненасытен? Сейчас я оповещу Гильду...

– Старуха сейчас чуток занята, – ответил я, оглядывая стены и потолок, скрывающие за собой сложную техническую начинку.

Я видел сенсоры и камеры наблюдения, деактивированные системы активной защиты, готовые опуститься многослойные щиты и еще много чего другого. Эта комната представляет собой защищенный бункер. И я уверен, что при желании Окси откачает отсюда воздух за считанные секунды.

– Чем она занята? – удивленно спросила Окси. – Она мой личный ассистент уже долгие годы и никогда не имела нареканий с моей стороны. Уверена, что она... о Господи! Оди! Ты вырвал Гильде глаз?!

– Ага, – буднично ответил я.

– ЗАЧЕМ?!

– Чтобы привести старую суку в чувство.

– Ты кретин?! Она верна мне до мозга костей!

– Ага, – кивнул я. – Это так. Будь иначе – она бы сдохла в том лифте.

– Тогда зачем?! Зачем было так поступать?! Она находится в тяжелом шоке! А к зданию уже подошел отряд тяжелых штурмовиков.

– Подошел?

– Да.

– Прямо близко?

– Да!

– Так скажи им по двести раз отжаться и бодро идти на хер, – велел я. – И хватит разыгрывать истерику, Окси. Ты живешь уже слишком долго, чтобы истерить из-за одного растекшегося по портрету старого глазного яблока... Сука Гильда получила небольшой и ценный урок.

– Она... она прямо сейчас благодарит тебя и извиняется передо мной, – удивленно произнесла Окси. – Ей проводят экстренную глазную хирургию, а она продолжает благодарить и извиняться... Так! Значит, была причина? Я ошиблась в Гильде?

– Нет. Такие, как она, всегда сохраняют верность до последнего. Не строят заговоров, не прыгают через твою голову.

– Тогда в чем причина?

– Я сам сначала не понял, – признался я. – Шаблон не сходил. Сначала я считал ее сучьей карьеристкой. Затем увидел ее, сказал ей пару слов, услышал ответ и понял, что она не такая по натуре, хотя уже и начала заниматься подловатой хренью... Я преподал ей урок, но все еще оставался в непонимании. Но затем вошел сюда и увидел тебя... кусок едва живого мяса... плавающий в физиологическом растворе... И все сошлось.

– Что сошлось?

– Такие, как Гильда, всегда находят себе кумира и служат ему до последнего вздоха, – медленно произнес я, глядя вверх на направленный на меня визор одной из камер. – И Гильда нашла тебя. Уверен, что она родилась здесь, выросла в одной из школ, где тебя славил днями и ночами, где в ее мозг внедряли мысли о исключительности спасительницы Окси...

– Да... все так и было. Она была лучшей ученицей, закончила школу и университет с золотыми ветвями. Ее дипломная работа была посвящена моей личности. И ее работа была умной и честной. Я приняла ее стажером в мой личный штат, и она начала быстро подниматься по ступенькам, пока не достигла текущей позиции. Я знаю Гильду с рождения... а ты, говнюк, вырвал ей глаз...

– Все так, – кивнул я. – Вот тебе и ответ. Гильда служит своему кумиру. Скажи, а на своих портретах и в скульптурах ты выглядишь вот так, как здесь и сейчас? Плавающей в миске больной и отвратной булькающей тварью?

– Конечно, нет! Я скрываю свое состояние. Все знают, что я больна и причину моего состояния, но никто не видел меня уже десятилетия – не считая Гильды и доверенных медиков.

– У Гильды есть семья?

– Нет. Только недолгие отношения. Секс для здоровья.

– Я про детей.

– Нет.

– Вот и ответ, – проворчал я. – Это же должно пониматься на инстинктах. Гильда служит своему кумиру. Вот только теперь ее кумир – это не красивая баба с сияющим взором и сиськами торчком, а еще не смытый кусок разумного говна в унитазе... Она видит тебя каждый день. Сострадает тебе. Заботится о тебе. Наверняка взвалила на себя часть твоих функций – вроде публичных выступлений и прочего. У нее нет настоящей глубокой личной жизни. И вот результат – она перевела на тебя всю свою нерастрченную материнскую любовь. И как только это случилось, ты из прославленного и неоспоримого лидера превратилась в ее неразумное беспомощное дитяtko. А какое дитяtko не совершает ошибок? И задача матери – исправлять эти ошибки. Ведь мать сильнее и умнее своего ребенка – хотя бы до тех пор, пока дитяtko не встанет на ноги, не свалит из дома и не заведет собственную семью.

– Это все чушь! Как ты вообще мог додуматься до такого?

– А не надо было додумываться, – равнодушно ответил я. – Она сама проорала достаточно в том лифте, пока я вытягивал ей глаз из орбиты. И громче всего она орала, когда просила не вредить тебе. Осталось сопоставить факты... и понять, что еще лет десять, ну, может, двадцать, и ты окончательно превратишься для нее из мудрого кумира в глупого младенца... и она объявит себя наместницей Гильдой... хранительницей сучьего престола... Причем она будет свято верить в это.

– Я...

– Да забей, – усмехнулся я. – Урок преподан вовремя. Гильда осознала свое место – слева от унитазного смыва в дальнем сортире и нигде более.

– Ты безумный мясник! Был им – и остался!

– Ага, – кивнул я. – Все так. Там жратву несут?

– Несут. Тревога отменена, штурма не будет. Да я бы и не позволила никому зайти в эту часть здания.

– Королева не в форме?

– Я не королева! Я всего лишь часть этого проекта! И несу прямую ответственность за тысячи и тысячи жизней! Мой проект... наш с тобой проект, Оди, наше с тобой детище оказалось жизнеспособным! Наш проект – это рай!

– Нет, – возразил я. – Этот проект – очередной жилой мегакупол. Только без стального неба над головой. Но да... у тебя получилось многое, Окси. Поэтому я и вырвал глаз суке Гильде – чтобы отсрочить падение этого мирка... Чем больше гребаной либеральной мягкости

позволяется населению, чем больше безделья и всепрощения – тем быстрее тут все рухнет. Но самая червоточина – ты сама!

– Я стержень!

– Ты гнилой кусок говна, – безжалостно припечатал я. – Ты сама противоречишь установленным здесь порядкам. Любой лидер должен безостановочно мотать свою жопу по всей территории и ставить раком руководителей всех рангов. Они буквально должны ощущать на своих прямых кишках твою крепкую хватку. Но ты исчезла с их горизонтов, и они почувствовали запах сраной свободы. Уверен, что в какой-то из областей давно уже правит всеми мелкий тиран, что подчиняется тебе только формально... а ты и не в курсе.

– Быть такого не может! Я выстроила идеальную систему управления!

– Ага... Но без главного жесткого лидера эта система работать не сможет. Ты должна быть везде, всегда и жестко.

– Ты всегда повторял это, когда заставлял меня ввести очередную драконовскую меру контроля...

– Эти меры работают?

– Да...

– Тогда все правильно.

– Что случилось с твоей памятью?

– Многое, – ответил я. – Поэтому я и пришел сразу же, как только вспомнил о тебе...

– И о выставленных тобой условиях?

– Нет. Каких?

– Да простых – не оставить тебя в беде, если потребуется помощь. Мы все в огромном долгу перед тобой. А я из тех, кто платит по долгам. Чего ты хочешь, Оди?

– Немного, – бледно усмехнувшись, я постучал пальцем себя по лбу. – Вытащи из моей башки всю хрень.

– Твои тупые мозги?

– Если от них осталось хоть что-то, – моя улыбка стала шире. – Такое ощущение, что внутри моего черепа потрескивает только пара дымящихся электродов с налипшими на них догорающими остатками мозговой массы...

– Больше...

– Что?

– Больше, чем пара, – в голосе Окси появилась заинтересованность, а с потолка медленно опустился по направлению ко мне длинный белый щуп с шаровидным окончанием. – Как только ты вошел в главное здание, тебя просветили полностью и не один раз – и я продолжаю это делать. И вижу невероятное...

Одна из стен засветилась и превратилась в экран. Через мгновение на нем появился стоящий у аквариума я. Затем мое изображение выпрямилось, развело руки и ноги в сторону и замерло в этой странноватой позе. Следом на фигуре начали одна за другой загораться крохотные искры. Две в груди в области сердца. Одна в шее. Одна в левом бедре. Одна в правом плече. Что-то светящееся и длинное в кишках снизу справа. Рядом с фигурой появилось изображение моей головы, а внутри черепа зажглось пять ярких разноцветных искр.

– Это?

– Инородные активные вкрапления, – задумчиво произнесла Окси. – Большая их часть отличается по типу и даже способу вживления. Я провожу оценку, но уже сейчас могу уверенно утверждать, что тебя чипировали на протяжении очень и очень долгих лет. Прямо сейчас обнаруживаются все новые и новые следы, куда ранее что-то вживлялось, а затем извлекалось. Но это еще не самое страшное...

– Удиви меня.

– Судя по шрамам и внутренним следам хирургического вмешательства, все твое тело представляет собой одну сплошную зажившую рану. Тебя протыкали везде. И по многу раз. А если верить диагносту – ты лишился всех конечностей. Господи...

– Это был не он, – хмыкнул я, потирая поясницу. – Тесаком надо мной поработали другие ублюдки. Все минувшие столетия я либо спал... либо воевал... И, похоже, еще ни разу это не было действительно моим желанием. Со мной сделали то, от чего я всегда тебя предостерегал – меня использовали по полной.

– Отымали во все дыры?

– Ха-ха-сука-ха... Что у меня в башке?

– А вот так и не ответишь... настолько сложных нейрочипов мне еще не приходилось видеть. Как минимум пара из них должны обладать функцией вывода нейроинтерфейса и связи. Ты получаешь визуализацию?

– Пара чипов?

– Да. Они независимы друг от друга. Один из них находится в спящем режиме, и его архитектура настолько сложна, что даже не понять, на что именно он влияет. Второй чип активен. Еще два мозговых импланта являются устройствами отслеживания. И один... не хочу тебя пугать... но он выглядит, как дистанционно управляемый контейнер, содержащий в себе микродозу какого-то вещества.

– Уверена?

– Более чем.

На стене появилась схематическая картинка короткой трубки с парой утолщений по краям.

– Как предохранитель из древних фильмов, – заметил я.

– В точку. Это и есть своего рода предохранитель. По имеющимся данным, подобные устройства начали ограничено использовать в первой половине двадцать первого века. Затем был недолгий перерыв из-за их неэтичности и... опять ограниченное использование в особых случаях.

– Какого рода случаи?

– Чаще всего, в мозговом контейнере находилась микродоза мощного снотворного. Такие устройства вживляли краснокнижным дикими животным, если зоны их обитания граничили с городами. Как только зверь пересекал границу – устройство срабатывало, и животное засыпало. Одновременно подавался сигнал, и прибывали егеря. Изначально контейнер был разработан для использования на таких вымирающих хищниках, как, например, уссурийские тигры, обитавшие в остатках некогда великой тайги.

– А потом?

– Позднее контейнеры начали вживлять особо опасным преступникам и прошедшим лечение, но потенциально буйным сумасшедшим. Еще через тридцать с небольшим лет подобный метод был признан крайне неэтичным, и от него отказались. К нему вернулись через пятьдесят с лишним лет – уже шла эра Заката... но просуществовала методика недолго. Настал тот момент, когда уже перестали заботиться как о тиграх, так и о сумасшедших – и тех и других попросту пристреливали, если они представляли собой угрозу. Жизнь перестала цениться, и такие контейнеры стали не нужны – во всяком случае, официально... Последние упоминания о их использовании это...

– Частные тюрьмы, – медленно произнес я. – Да... я помню. Автоматизированные медицинские фабрики массово выпускали дешевые и легко вводимые чип-контейнеры, и все это дерьмо поставлялось в переполненные частные тюрьмы. Как раз тогда все тюремные организации мира получили предложение от Атоллы Жизни...

– От тебя, – поправила меня Окси. – Я помню. Это была твоя инициатива в эпоху Заката. Бесплатная рабочая сила, выпускаемая в уже частично затопленные территории, где они воз-

водили многокилометровые дамбы на древней технике. Эта инициатива сработала, и от затопления были спасены тысячи гектаров еще пригодной для возделывания земли. Заключенных никто не охранял, еду им регулярно сбрасывали при выполнении недельной нормы. У них было полное самоуправление. Но если они пересекали запретную границу в попытке убежать...

– Контейнеры в их головах раскрывались, и их отрубало. Причем так надолго, что счет шел на недели, – медленно продолжил я. – Чаще всего это было смертным приговором. Хотя сигнал и уходил на ретранслятор, а оттуда на тюремный спутник... никто не погонит флаер ради одного бунтовщика... У меня в башке такое же устройство?

– Все указывает на это. Обычная штатная модель.

– Но я не отрубился.

– А ты покинул дозволенные тебе границы, Оди?

Зло оскалившись, я кивнул:

– В точку. Я, сука, уверен, что покинул дозволенные границы.

– Дозволенные кем?

– Разумными машинами, мать их, – проворчал я, зная, что последует за моим признанием.

– Я же говорила! – Окси с силой вздрогнула в боксе, и из ее тела снова ударили мутные струи. – Я говорила – машинам верить нельзя! Искусственный интеллект опасен! Я ведь тебе говорила? А ты, как всегда, посмеивался и готовил очередной коктейль... как же давно это было...

– И как давно?

– Триста семьдесят три года назад, Оди.

– Охренеть мы старые...

– Ты старше меня. Когда мы познакомились, мне было всего тридцать два, и я только готовилась к первой процедуре клеточного восстановления...

– А мне сколько было?

– Не знаю сейчас, не знала и тогда. Ты всегда оставался загадкой. Может, это в тебе и привлекало... Ты мог часами говорить, о чем и о ком угодно, но только не о себе и не о своем прошлом. Когда мы расстались, я еще немало лет продолжала следить за тобой...

– Тосковала по джакузи со мной?

– Ха! К тому времени я уже была не одна. Но в прошлом нас многое связывало, к тому же ты спас мне жизнь, и поэтому я присматривала за тобой, надеясь однажды отдать долг и сравняться в счете.

– Не получилось?

– Ты бесследно исчез. Исчез внезапно и вдруг. Первый месяц и даже полгода я не особо парилась – знала твою натуру, и что ты можешь быть, где угодно. Даже на Луне.

– А ты там бывала?

– Два раза. Вместе с тобой. Ты делал какие-то важные дела, но все вечера посвящал мне, и мы нежились на кровати в номере с отличным обзорным окном на унылые мертвые пейзажи... Луна продолжала застраиваться быстрыми темпами, и Атолл Жизни, как всегда, хотел оторвать себе кусок пожирнее.

– У Атолла получилось?

– Кто знает? Ты всегда был закрытой шкатулкой и не любил говорить о делах...

– Возвращаясь к шкатулкам... Контейнер в моей голове закрыт?

– Да. И полон. Чем – неизвестно. Надо достать и изучить. Но там может быть что угодно – от снотворного до взрывчатки.

– Достань из моего тела всю инородную хрень, – сказал я. – Вискреби все без остатка! Сделай это, Окси. Сделай прямо сейчас.

– Пара чипов находится в крайне... опасных местах. Меня не волнуют чипы у тебя под сердцем, но мозг... если он будет поврежден, то...

– То я сдохну и на этот раз навсегда, – кивнул я. – Меня такой расклад полностью устраивает. Как пройти к операционной?

– Что вообще происходит? Я наблюдаю за внешним миром и... особо наблюдать там не за чем, честно говоря. Старые договоры работают, огромные купола все еще закрыты, природа восстановлена, космос молчит, да и вообще везде первобытная тишина... Планета все еще в восстановительной дреме.

– Мы поговорим потом, – ответил я. – Когда я буду свободен от всего вшитого в меня говна. И вот тогда мы поговорим и о том, как бы тебе вернуть хоть немного здоровой кожи на твою гнилую жопу...

– Меня уже не излечить, Оди. Мы обладаем самыми продвинутыми медицинскими технологиями и...

– Вот тут ты ошибаешься, дура тупая, – усмехнулся я. – Ой как ошибаешься... так куда идти?

– Дверь слева. Спрошу в последний раз – ты точно готов?

– Более чем, – ответил я, шагая по белоснежному полу и оставляя за собой грязный след. – Более чем...

Глава четвертая

Проснувшись, первое, что я увидел – сидящую рядом с кроватью Гильду. На ее посеченной моим пальцем глазнице красовалась белоснежная повязка, а в правой руке тихо улыбающаяся старушка крутила сверкающий скальпель, изредка поглядывая в район расположения моих яиц.

Оценив свое состояние и нихрена не поняв – тело почти не ощущалось, – я на всякий случай приготовился отражать атаку и лишь затем медленно шевельнулся. Гильда даже не вздрогнула. Заторможенно отведя взгляд от блеска острого металла, она перевела глаз на меня, и ее улыбка стала чуть шире:

– Холодный блеск всегда успокаивает. Не так ли?

Я промолчал. А она медленно опустила скальпель на прикроватный столик и прояснила еще один момент:

– Эту старомодную штуку я прихватила с одного из информационных больничных стендов. Для успокоения, пока сижу здесь и подбираю подходящие слова, чтобы выразить всю глубину своей благодарности, господин Оди. Подумать только... трудно и представить, что в прежние времена люди без применения электроники и точных наук с помощью одной лишь заточенной стальной штуковины спасали тысячи жизней и без колебаний погружались в грудные клетки, выполняя сложнейшие операции... Я благоговею перед хирургами. А вы?

Я не ответил, продолжая оценивать свое состояние. На этот раз я занялся конечностями и убедился, что могу ими управлять. Осторожно усевшись, я ощупал голову и обнаружил несколько отдающих болью вздутий в разных местах черепа. Такие же уже поджившие вздутия имелись и на теле – в тех местах, где плавающая гнилая бывшая подруга углядела инородные предметы. Убедившись в этом, я откинул простыню – под ней я был голым – и продолжил осмотр, с каждой секундой находя все новые и новые свежие отметины. Какого хрена? На животе сразу три свежезаросшие дырки, на правом боку вверх еще две шишки, одно пятно под правым коленом и длинный рубец на спине внизу. Поясница не болела. Боли вообще нигде не было, хотя я ощущал странное чувство опустошенности – меня будто лишили чего-то реально важного. Поймав мой взгляд, все еще отстраненная и ничего не боящаяся Гильда – это я понял сразу – начала пояснять:

– В вашем теле...

Поморщившись, я перебил:

– В твоём. Говори проще, старая.

– Так даже лучше, – согласилась она. – Естественней, учитывая мой возраст. Хотя в сравнении со мной ты – настоящий динозавр...

– И говори проще, – добавил я, спуская ноги с низкой широкой кровати.

Стоило ногам коснуться теплого и чуть мягкого белого пола, как в стене что-то щелкнуло, и часть покрытия медленно отошла в сторону, открывая встроенный шкаф. На паре вешалок и полок разместились футболка, штаны, трусы, бейсболка, носки и кроссовки. Все черного цвета. Там же лежал мой нож, а рядом с ним ремень с кобурой, откуда торчала рукоять револьвера. Окси все еще помнит мои предпочтения...

– Проще так проще, – вздохнула личная главная ассистентка, осторожно коснувшись глазной повязки. – Ты открыл мне глаза на многое. Может, кому-нибудь стоило вырвать мне глаз пораньше?

– Свежий воздух освежает, – хмыкнул я, вставая. – Что там с моим телом?

– Из него были благополучно извлечены все замеченные импланты. После этого была запущена полная диагностика. Говоря твоим простым языком – в твоей жопе за время осмотра много чего побывало. Одна только колоноскопия выявила два не просматривающихся обыч-

ными средствами импланта из особых материалов. Дальше – больше. Одно полностью фальшивое ребро со сложной начинкой – его пришлось удалить и заменить протезом. В животе отыскалось еще одно достаточно хитрое устройство, что умело маскировалась под паразита. Продолжать можно долго. Все твоё тело представляло собой настоящую выставку всевозможных имплантатов. Большая их часть была отслеживающей. Некоторые для установки связи.

– А остальные?

– Как минимум два из этих имплантов созданы по абсолютно неизвестной нам технологии. Это нечто... гибридное... и выходящее за грань понимания наших специалистов. Анализ найденных устройств продолжается, и со временем мы узнаем больше. Пока же ясно одно – забирая у тебя часть поступающего в тело питания, эти импланты перерабатывали его в кое-что совсем иное. Так, к примеру, тот червь, что обосновался в твоей кишке, создавал некие мутантные изоферменты, которые воздействовали на... на многие проходящие в теле процессы. Даже на обитающие в тебе пробиотики, что резко повышало шансы успешно переварить и разложить испорченную пищу на полезные составляющие. Уже выяснено, что есть прямая связь с гликолизом и с метаболизмом... Один лишь этот имплант приносил столько пользы, что, выражаясь твоим языком, так и хотелось крикнуть врачам – запихайте его обратно в жопу! Пусть живет!

– Смешно...

– Впрочем, пока все это лишь толком не подтвержденные гипотезы, мистер Оди. Ты был без сознания недолго, и поэтому...

– Сколько?

– Шестнадцать часов и тридцать семь минут, – без запинки ответила Гильда и, взглянув на меня с благодарностью, продолжила: – Теперь ты абсолютно чист.

– Хорошо, – выдохнул я сквозь ткань натягиваемой футболки. – А ты чего такая довольная?

– Вытащенные из твоего тела устройства обладают невероятными свойствами. Многое из этой начинки работало только и только для твоего блага. Благодаря им, ты мог выжить там, где другие погибали.

– Понял... радуешься, что у меня подросли шансы сдохнуть от кровавой диареи где-нибудь в джунглях?

– О да... – её улыбка стала по-настоящему теплой и доброй. – Я действительно мечтаю об этом. Но радуюсь я по совсем иной причине. Ты – как старый добрый пасхальный кекс. И весь вытащенный из тебя изюм невероятно ценен в первую очередь для госпожи Окси. Пока это лишь зыбкое предположение и не более чем призрачный шанс, но... больше надеяться не на что – госпожа Окси стремительно угасает.

– Так вылечите ее, – буркнул я, защелкивая пряжку ремня и подхватывая с полки нож. – Но мой вам совет – загасите всю вытащенную из меня хрень. Загасите надежно!

Она поняла меня правильно:

– Все устройства находятся в полностью экранированном помещении подземной лаборатории. Там они и останутся.

– Не, – я покачал головой. – Вытащите из этой кучки окровавленного барахла пару отслеживающих хреновин, воткните их в задницу какого-нибудь бабуина и гоните его горящими палками подальше отсюда.

– Пустить твоих преследователей по ложному следу... А кто тебя преследует, мистер Оди? Нам всем грозит опасность из-за твоего появления?

– Ага, – кивнул я, выходя в залитый светом белый коридор. – Скорей всего, за мной явятся.

– Кто?

– У вас тут есть арсенал? – поинтересовался я, устав отвечать на вопросы.

– Планируешь задержаться у нас?

На этот раз я все же ответил:

– Нет. Вооружусь, пожру – и сваливаю нахер отсюда. Мне надо хорошенько подумать...

– Я рада твоему решению. Быть может, вот это поможет ходу твоих мыслей? – идущая рядом со мной Гильда величавым жестом указала на уже замеченный мной и выглядящий здесь также инородного, как и искусственный червь в моих кишках предмет.

На белом изящном столике у стены стоял старый зеленый металлический ящик с откидной крышкой. В толстые скобы продет обычный замок с четырьмя кодовыми вертушками.

– Что это?

– Не помнишь?

– Нет.

– Этот ящик ты сказал отдать тебе многие столетия назад. Отдать сразу же, как только ты появишься – даже если не вспомнишь о нем.

– Но Окси не отдала, – заметил я, подходя ближе и останавливаясь.

Зеленый. Почти квадратный. Нещадно битый жизнью – смяты даже некоторые уголки. Несколько раз перекрашенный. На фоне ящика висящий в скобах замок поражает своей новизной.

– Госпожа Окси не отдала, – согласилась за моей спиной замершая гипсовой статуей старуха. – Она не была уверена на все сто процентов. Даже несмотря на заверения электроники, она не была уверена. Но во время черепно-мозговой операции ты был под лекарствами, хотя частично оставался в сознании для отслеживания поведения. С помощью электроники госпожа присутствовала на операции и задала тебе немало вопросов. Ты был заторможен, но ответил на каждый из них. После этого госпожа Окси долго плакала... но была счастлива. И тогда же приказала отдать тебе этот ящик, что находился на хранении в самом надежном сейфе. Она добавила, что ты назвал этот ящик «Шестью главными подсказками» и «Третьим страховочным дублем».

– Где Окси сейчас?

– Ей нельзя быть чересчур эмоциональной – это пагубно влияет на общее состояние. Поэтому ее погрузили в недельный химический сон. Даже если мы захотим, вывести ее из искусственной комы не получится. И не надо... прошу тебя, Оди... дай госпоже Окси отдохнуть...

– Она прожила достаточно, – проворчал я.

– Как и ты. И она тоже боец.

– Знаю, – кивнул я, осторожно касаясь не раз вмятой и снова выпрямленной крышки железного ящика. – Знаю... Какой код?

– Этого ты не сообщил. Ты не помнишь ящик?

– Помню, – кивнул я. – Отрывками. Знаю, что этим ящиком я убил двоих. И только что вспомнил их перекошенные залитые кровью рыла. Код... код не помню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.